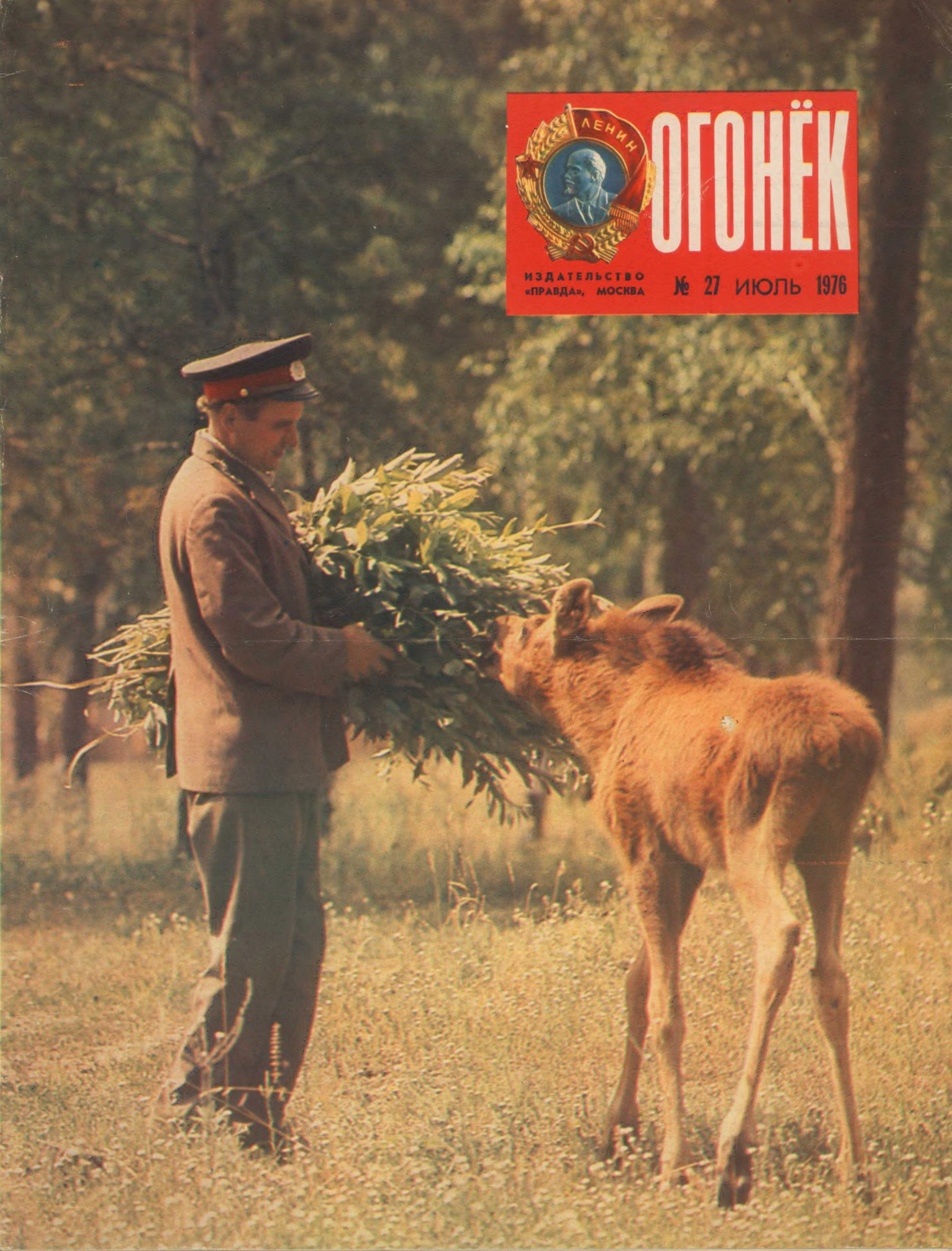

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 27 ИЮЛЬ 1976

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 27 (2556)

3 ИЮЛЯ 1976

«И мы убеждены, что итоги нашей конференции, высоко поднявшей знамя единства европейских коммунистов, будут способствовать соединению наших усилий, активизации нашей совместной борьбы за коренные интересы трудящихся, за демократию и социализм, за прочный мир в Европе».

Из речи главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы.

Проводы на Шереметьевском аэродроме. **Фото А. Гостева**

КОНФЕРЕНЦИЯ КОММУНИСТИ И РА

Встреча на аэродроме Шенефельд.

ЧЕСКИХ БОЧИХ ПАРТИЙ ЕВРОПЫ

В эти дни Берлин привлек к себе пристальное внимание народов континента, политических кругов и общественности всего земного шара. Здесь состоялась Конференция коммунистических и рабочих партий Европы.

Для участия в этом форуме 27 июня из Москвы в Берлин отбыла делегация Коммунистической партии Советского Союза, которую возглавляет Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. В составе делегации: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев.

На Шереметьевском аэродроме товарища Л. И. Брежнева, членов делегации провожали товарищи В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, члены ЦК КПСС Б. П. Бугаев, Г. С. Павлов, Г. Э. Цуканов, Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС О. Б. Рахманин, С. К. Цвигун, Г. К. Цинев. Вместе с делегацией в Берлин отбыли — члены ЦК КПСС Л. М. Замятин, К. В. Русаков, кандидат в члены ЦК КПСС А. М. Александров, член Центральной ревизионной комиссии КПСС А. И. Блатов.

В тот же день делегация КПСС прибыла в столицу ГДР. На аэродроме Шенефельд товарища Л. И. Брежнева сердечно приветствовали Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, члены Политбюро ЦК СЕПГ Г. Аксен, Х. Зиндерман, В. Ламберц, Э. Мильке, Г. Миттаг, Э. Мюкенбергер, К. Науман, П. Фернер, В. Штоф.

Берлин. 29 июня.
В зале заседания конференции.

Выступает глава делегации КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

28 июня в Берлине состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Председателем СКЮ, президентом СФРЮ Иосипом Броз Тито. В ходе беседы Л. И. Брежнев и Иосип Броз Тито обменялись мнениями по вопросам предстоящей Конференции коммунистических и рабочих партий и по актуальным задачам борьбы за углубление разрядки, за прочный мир и безопасность народов. Они обсудили также некоторые вопросы развития советско-югославского сотрудничества по партийной и государственной линиям.

В тот же день состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Генерального секретаря ЦК СЕПГ Э. Хонеккера. Руководители двух братских партий обменялись мнениями по актуальным вопросам коммунистического и рабочего движения и современной международной обстановки. Тов. Л. И. Брежнев высоко оценил работу, проведенную СЕПГ по подготовке Конференции коммунистических и рабочих партий Европы.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев встретился также с Первым секретарем ЦК Компартии Греции Х. Флоракисом и имел встречу с Председателем Компартии Дании К. Есперсеном.

29 июня в столице Германской Демократической Республики начала работу Конференция коммунистических и рабочих партий Европы. Тема ее: «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе». Конференцию открыл Генеральный секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии товарищ Эрих Хонеккер, который сердечно приветствовал делегации братских партий. В конференции принимают участие 29 делегаций коммунистических и рабочих партий Европы.

С речью на конференции выступил глава делегации КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Форум в Берлине — событие большого значения. Он, несомненно, явится важной страницей не только в жизни коммунистического и рабочего движения Европы, всего мирового революционного движения, но и станет знаменательной вехой в развитии современной международной обстановки.

●

Телефото спецкоров ТАСС
В. Мусаэльяна и В. Соболева

ПРОТИВ ГЕНОЦИДА И АННЕКСИИ

Население городов и сел на захваченных Израилем арабских территориях расширяет борьбу против режима оккупации и террора. Жестокие репрессии оккупационных властей до предела накалили обстановку, вскрыли бесперспективность аннексионистской политики Тель-Авива.

Еще в то время, когда Голда Меир была премьер-министром, она однажды в очень лаконичной форме определила основу израильской политики: «Граница проходит там, где живут евреи, а не там, где проведена линия на карте». Этот принцип остается генеральной линией политики Израиля. Повсюду на захваченных территориях идет спешное строительство еврейских поселений, что ведет к дальнейшему углублению ближневосточного конфликта и напряженности в этом районе.

Американская газета «Крисчен сайенс монитор» отмечала в своей передовой статье, что «евреизация» арабских земель — давняя и рассчитанная политика Тель-Авива. Газета напоминает, что осуществлять ее Израиль «начал сразу же после прекращения огня в 1948 году, когда израильские фермеры стали заселять демилитаризованные зоны». Резко активизировалась колонизация после войны 1973 года, когда на вновь захваченных землях стали создаваться поселения — «от фермерских деревень до небольших городов». По словам «Крисчен сайенс монитор», Израиль стремится форсировать «евреизацию» арабских территорий, что говорит об «укреплении в стране позиций и мощи наиболее воинственных кругов». Что касается мотивов подобной политики, то газета приводит высказывание «одного из руководящих представителей ястребов» в Тель-Авиве. Он откровенно заявил: «Мы намерены заселить западный берег реки Иордан евреями, с тем чтобы сделать невозможным эвакуацию этого района когда бы то ни было, пусть даже в обмен на мир».

Как же осуществляют израильские власти свои планы заселения арабских земель? Земли отбирают у арабов, ссылаясь на соображения безопасности, а затем на них создают еврейские поселения. Один из примеров тому — колонизация Питат-Рафиах и его окрестностей (в районе Газы). Тысячи бедуинов были насильно изгнаны с земель, на которых они жили в течение многих поколений. Экспроприация была проведена с большой жестокостью: были сожжены палатки, засыпаны колодцы, дома снесены бульдозерами, уничтожены фруктовые сады. Бывшие владельцы земли подвергаются всякого рода угрозам. Сионисты применяют жульнические методы, для того чтобы узаконить «продажу» земли.

Тель-Авив пытается подавить нарастающее на оккупированных землях движение сопротивления арабских масс, борющихся против политики геноцида и аннексии, проводимой израильской сионистской верхушкой.

В. ВЛАДИМИРОВ

Похороны жертвы террора.

Старый город Наблус израильтяне превратили в зарешеченное гетто.

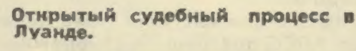

В Анголу...

...из Анголы.

Открытый судебный процесс в Луанде.

Фото ЮПИ — АП — ТАСС.

ФИАСКО

Когда в Лондон прибыл эмиссар Холдена Роберто, этого предателя ангольского народа и агента ЦРУ, он имел примерно 12 тысяч фунтов стерлингов наличными, чтобы начать вербовку наемников. Сразу же буржуазные газеты запестрели объявлениями, в которых подробно сообщалось, где и за сколько «любители африканской экзотики» могут запродать свои жизни зазывалам-вербовщикам. Авантюристов, маньяков-убийц оказалось достаточно, чтобы сколотить первую группу наемников из 120 человек и отправить в Анголу. Завербованным было обещано 150 фунтов стерлингов в неделю в обмен на то, чтобы они убивали ангольцев, сжигали деревни, уничтожали посевы, насиловали женщин. Им обещали многое и не говорили о расплате. Но час расплаты наступил. Одни из них вернулись домой на костылях, оставшись на всю жизнь калеками и проклиная тот час, когда они поставили подпись под контрактом у вербовщика в прокуренной и мрачной пивной где-то на окраине города. Другие попали в плен и предстали перед народным революционным трибуналом в Луанде.

Наемников вербовали также и в Соединенных Штатах Америки. На западном побережье этой операцией руководил Джеймс Скотт, который действовал по инструкциям главаря ФНЛА Холдена Роберто. Через свою организацию «Кооперативное сообщество для наемных солдат» Скотт вел вербовку среди ветеранов вьетнамской войны. Он предъявлял конкретные требования к наемникам: ему были нужны те, кто может управлять танками и стрелять из тяжелых орудий, а еще лучше те, кто может управлять вертолетами. Но основное требование, как и всюду, где вербовались «джентльмены удачи»,— это ненависть к освободительному движению, антикоммунизм.

Представшие перед судом ангольского народа 13 наемников твердили о своей аполитичности, о своей непомерной жажде денег. На скамье подсудимых находился и полковник Кэллан, он же Костас Георгиу, тот самый полковник Кэллан, который казнил 14 английских наемников, отказавшихся сражаться. Все они за исключением Костаса Георгиу, признавшего свою преступную деятельность, старались представить свое пребывание на земле Анголы как случайное явление. Пытались до-

Фото Камера Пресс — ТАСС и из журнала «Штерн».

Арест противника оккупационного режима.

НОВАЯ ЛИЧИНА РЕВАНШИЗМА

У этого ухмыляющегося господина под сапогом — буквально и фигурально — вся созданная им «четвертая партия», новая политическая организация в ФРГ. Обувной фабрикант из Аугсбурга Дитрих Банер и другие основатели «четвертой партии» прошли большой и сложный путь политических зигзагов, закулисных интриг и борьбы с соперниками, прежде чем, объединившись, произвели на свет собственное чадо. Сам Банер пребывал двадцать пять лет в рядах свободной демократической партии и все это время рьяно боролся за ее правый курс. Коалиция СвДП и СДПГ и ее новая восточная политика пришлись обувщику не по душе, и в 1971 году он вышел из партии. Тогда же вместе с другим перебежчиком из СвДП он основал сначала «ударный отряд ХСС» — Немецкий союз, а позже, превратив его в «четвертую партию», стал во главе ее.

Под стать Банеру и другие заправилы «четвертой» — все они в поисках самых правых и реакционных союзов кочевали из одного ферейна в другой. Заместитель Банера Курт Майер, бывший нацист, капитан войск СС, тоже покинул СвДП, так как «она стала слишком левой». Гельмут Каспер сменил восемь членских билетов: начал с нацистской партии, после войны побывал в «Союзе изгнанных», ХДС, «Кружке друзей Франца-Йозефа Штрауса», в других и, наконец, обрел душевный покой в «четвертой партии». Ради восстановления душевного равновесия одними из первых в нее спешили записаться жаждущие видеть «возрожденную сильную Германию».

Каких же действий ждут от новорожденной ее крестные отцы? Нет, они пока не могут атаковать политику правительственной коалиции, для этого им надо еще пролезть в бундестаг. И вот поставлена локальная цель: накануне выборов, назначенных на 3 октября, расколоть земельные франкции ХДС и увести правое крыло ХДС (а заодно и правых из СвДП — опыт ведь есть!) в лагерь «четвертой партии» и тем самым набрать необходимые для представительства в правительстве 5 процентов голосов избирателей.

Но что же все-таки на знаменах новой партии, что несет она народу ФРГ? Насчет 30 пунктов партийной программы ни Банер, ни его окружение не распространяются. Но по удовлетворенной реплике Майера после обсуждения программы в Мюльхайме: «Демократию тоже можно преувеличивать»,— нетрудно догадаться, какие институты внутриполитической жизни страны берутся на мушку в первую очередь.

Что касается багажа внешнеполитического, то тут завеса таинственности не так сильна — пора ведь в открытую переманивать единомышленников. И что же? Оказывается, по мнению Банера, даже известный своими реваншистскими притязаниями реакционный христианско-социальный союз Штрауса «из-за объятий с ХДС... выражается туманнее и менее решительно, чем сам хотел бы». А вот «четвертая партия» покажет, как надо разговаривать, проводя восточную политику ФРГ. «В каких пунктах вы аргументировали бы жестче?» — спросили недавно журналисты у Банера. Его ответ начался словами: «Возьмем восточные договоры...»

Именно договоры ФРГ с СССР, ЧССР и ПНР, курс на разрядку больше всего бесят идеологов «четвертой партии». То, что стало общепризнанным гарантом мира и спокойствия в Европе, основой расширения торговли и культурных обменов, вызывает у них ярость и истерику. «Мы признаем старую столицу Берлин»,— об этом тоже заявлено в программе.

Итак, старое чучело реваншизма обряжают в новые одежды.

«Четвертая партия» и ХСС — это части одной рептилии, ползущей в одном направлении. Просто «четвертая» чуть опережает. Не случайно в одном из местных журналов появилась карикатура: Штраус держит на длинной, извивающейся по полу веревке собаку с надписью «четвертая партия» и говорит: «Если надо, я готов отойти от нее и подальше...»

Комментарии вряд ли требуются.

Г. НАЛЕСНЫЙ

казать, что еще не успели совершить преступлений против ангольского народа.

На суде выяснились новые подробности широкого империалистического заговора против Анголы и ее народа. Обвиняемые подробно рассказали о вербовке их в качестве наемников, доставке на американских самолетах на территорию Заира, снабжении оружием и другим военным снаряжением. Наемники показали, что по прибытии в Киншасу в их распоряжение было предоставлено огромное количество оружия, часть которого была китайского производства.

В ходе судебного разбирательства выявлялся и облик самих наемников. Например, Костас Георгиу, который называет себя полковником Кэлланом, грек по происхождению, бывший парашютист английской армии, неоднократно судился за уголовные преступления, на его счету огромное количество злодеяний, совершенных на земле Анголы. Так, свидетель обвинения Фернандиш Барруш, шофер, житель города Сан-Сальвадор, сказал на суде: «Я видел сожженные деревни, убитых наемниками ангольцев. Видел, как в этом принимал участие Костас Георгиу». Жозе Афонсу Карлуш, рабочий из Сан-Сальвадора, опознал среди подсудимых Костаса Георгиу и Макензи, участвовавших в казни 73 ангольцев в районе реки Лунда. Он показал, что Кэллан руководил казнью.

Другой наемник, Густаво Грилло, бывший солдат морской пехоты США, сказал, что он был связан в Нью-Джерси с бандами и работал «телохранителем, шофером и сборщиком денег у одного букмекера». Раскаиваясь в содеянном, Грилло заявил: «Наемник подобен проститутке, ибо он продает себя тому, кто больше платит. Наемник — это одна из самых больших подлостей».

За свои злодеяния и преступления на земле Анголы наемники получили по заслугам. Народный революционный трибунал приговорил четверых из них к смертной казни, в том числе руководителя группы английских ландскнехтов полковника Кэллана. Остальные приговорены к тюремному заключению на сроки от 16 до 30 лет.

Объявляя приговор, председатель народного революционного трибунала Эрнесту Тейшейра да Силва обвинил США и Англию в вербовке «частных армий» с целью свержения прогрессивных правительств в Африке. Он заявил, что правительства этих стран фактически являются соучастниками преступлений наемников.

В. ДУНАЕВ

НИ КАПЛИ ДОЖДЯ

Небывалая засуха, охватившая в настоящее время обширные территории ряда западноевропейских стран, стала во Франции общенациональной проблемой. Засухи, подобной нынешней, Франция не знала с 1921 года. Антициклон, пришедший в Западную Европу, систематически преграждает путь зонам дождей. Резко опустился горизонт грунтовых вод. Наиболее тяжело переносит последствия засухи Бретань (запад Франции), где подпочвенные воды залегают крайне глубоко. Если ситуация не изменится, местные водные запасы истощатся к 15 августа.

Еще одно опасное последствие небывалой засухи — лесные пожары. Ими уничтожено уже сейчас более 8 тысяч гектаров зеленого массива. Наиболее сильный из пожаров имел место в Фонтенбло, недалеко от Парижа, где пожарным командам с огромным трудом удалось остановить его наступление на населенные пункты.

В некоторых районах возникли перебои с питьевой водой. Власти призывают горожан и сельское население экономить воду. Объявлено, что электрические станции снижают напряжение в сети, прекращают на время подачу тока некоторым заводам, водохранилища большинства гидростанций практически исчерпаны. Уровень воды во многих реках катастрофически упал. Рона, которую традиционно называют полноводной, обмелела на 45 процентов. В отдельных местах ее можно пересечь вброд.

Бывший водопой для скота напоминает сейчас безжизненную пустыню.

Фото ЮПИ — ТАСС

Прокладывается путь к якутскому углю: тоннель у станции Нагорная.

УСТРЕМЛЕННЫЕ ВДАЛЬ

«ОГОНЕК» НА БАМе

В. КУЗНЕЦОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото автора

— Наш самолет произвел посадку в аэропорту города Тында,— объявила стюардесса.

Человек, приземлившийся на этом отвоеванном у тайги клочке летного поля, сразу чувствует пульс большой стройки. Она начинается прямо здесь, в двадцати метрах от самолетной стоянки,— идет реконструкция аэровокзала и помещений для спецслужб.

— Какая там реконструкция,— говорит начальник Тындинского аэропорта Николай Иванович Дикусаренко,— все строим заново. Раньше принимали в неделю один самолет АН-2. В одном домике размещались все службы плюс зал ожидания, буфет и квартира сторожа. За время строительства БАМа грузооборот Тындинского аэропорта вырос во много раз. Вот видите,— Николай Иванович показал на рисованную карту-схему Байкало-Амурской магистрали,— наша Тында находится как раз на бамовском перекрестке. Некогда безвестный поселок стал городом — столицей большой стройки. Говорят, что города начинаются с вокзалов. Вот мы и строим вокзал, соответствующий нашим планам: уже в первом году десятой пятилетки тындинские авиаторы должны перевезти тридцать одну тысячу человек, то есть практически поднять в воздух все население Тынды. И хотя у нас появилась железнодорожная линия Бам — Тында, нагрузка на авиацию не уменьшилась.

В аэропорту многолюдье. Люди летят на разные участки стройки, в Иркутск и Читу, Благовещенск и Зею, улетают на реактивных скоростных самолетах и на винтокрылых тихоходах. В общем, аэропорт бурлит, живет полной жизнью перевалочного пункта.

СЛОЖНОСТИ ЖИТЕЙСКИЕ...

«Амурская область. Тында. Штаб ЦК ВЛКСМ на БАМе». Их тут целая кипа, писем с таким вот адресом. Из разных концов страны, по разным поводам. Начальник штаба Валентин Сущевич — опытный комсомольский работник, энергичный молодой человек, удивительно общительный, сразу располагающий к непринужденной беседе. Он большой поклонник оргтехники: не имея «штабного аппарата», мгновенно находит нужную папку, карточку с давно сделанной записью, письмо, справку...

— Письма приходят очень трогательные,— рассказывает Сущевич. — И не только письма. Из Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии прислали тысячу восемьсот теплых вещей. Вот маленькое письмецо из тех краев: «Дорогие строители БАМа! С пионерским приветом. Примите наш маленький подарок. Я посылаю вам теплую шапочку от 6 «А» класса. Кемал Магометов». Комсомольцы Советского района Нальчика прислали свитеры и шерстяные носки. Письмо их озаглавлено так: «Строителям БАМа — тепло наших рук». Мы передали эти свитеры ребятам из лучшей комсомольско-молодежной бригады механизаторов 141-й мехколонны. Они надели свитеры, сфотографировались и отправили эту фотографию комсомольцам Нальчика. А вот этот ящик пришел из Архангельской области, из Котласа. Ребята из речного училища изготовили ножовки по металлу для бамовцев. На каждой — фамилия того, кто ее делал. А тут как-то доставили нам денежный перевод от Ивана Павловича Сокола из Краматорска. В тупик он поставил нас: прислал... сто рублей. «Это мой подарок бамовцам». Я написал ему письмо, полное сердечной благодарности и... растерянности: что делать с этими деньгами? Просил его, так сказать, овеществить свой дар...

— А письма от желающих работать на БАМе?

— Таких больше всего. Но тут мы строго придерживаемся раз и навсегда установленного правила: мало ли кому захочется, как говорится, «найти себя» в тайге? Такой поиск порой очень дорого обходится и государству и тем, кто ищет. В одиночку не надо ехать к нам. Только в составе отряда. А в отряд берем лишь тех, кто имеет нужную на БАМе профессию. Не имеешь — овладей ею у себя дома, потом записывайся в отряд, и милости просим! Здесь требуется не каждый желающий, а каждый умеющий, способный принять все высокие требования к строителю БАМа — физические, нравственные, духовные. А мера требований становится все жестче.

И здесь наш разговор переходит к сложным житейским проблемам. Мера требовательности к ребятам из строительных отрядов повышается, но и требовательность самих строителей тоже растет. Организационный период, когда надо было мириться со всеми тяготами жизни первопроходцев, проходит. И люди хотят большего внимания к их бытовым и духовным запросам, большей заботы. И не только об отряде в целом, но и о каждом в отдельности.

— Это окупается сторицей,— говорит Сущевич. — Известно, что кое-кто, не выдержав испытания, уезжает. Мы обычно и не задерживаем. Но ведь бывает, что покидает стройку хороший парень, и только потому, что никто вовремя не поговорил с ним по душам. А у него обида... Порой справедливая. С некоторых пор на стройке установили порядок, при котором так называемый «бегунок» увольняющегося с работы нужно подписать и в штабе ЦК ВЛКСМ. И вот приходит к нам с таким «бегунком» электрик Сережа Буренков. Я видел его портрет на Доске почета. А теперь вот... «Подпишите, уезжаю». «Почему?» Мялся, отмалчивался, а потом распалился, стал дерзить: «Мое дело, хочу и уезжаю». Долго вот так мы с ним объяснялись, пока он не остыл. Тогда и открылся. Что же оказалось? Есть у Сергея невеста в Благовещенске. Через несколько дней свадьбу играть будут. На свадьбу ему разрешено лететь, а вот наряд на два дня раньше срока закрыть не пожелали. А Сергею подарок невесте покупать надо. Просит, объясняет. Отказывают. Парень, что называется, на дыбы. Как же так — бессердечные! Короче говоря, достали мы Сергею денег на подарок невесте. А через несколько дней он вернулся и сообщил нам: «Жена тоже приедет сюда работать».

К начальнику одной из автобаз пришел отличный водитель машины с заявлением: «Прошу освободить... Уезжаю домой». Что случилось? Молчит. Начальник допытывается. И так и этак старается вывести на откровенный разговор. Не получается. Односложно отвечает: «да», «нет». Или вовсе молчит. Наконец, прорвало. Оставил на Урале жену, а она с одним парнем связалась. Теперь пишет: «Я к тебе в тайгу не поеду. Хочешь — возвращайся».

— Что же ты решил, возвращаться?

Шофер молчит, а начальник автобазы загадочно улыбается.

— Ты знаешь того парня? И адрес его знаешь? Ну, вот и хорошо. Мы тебе аванс дадим. Рублей пятьдесят. Пошли ему и напиши: «Благодарю, что избавил от неверной подруги жизни».

Таковы они, сложности жизни на трассе, где собрались люди разные, с разными характерами, разными взглядами на то, что такое хорошо, а что не совсем хорошо. И сейчас стройка уже вышла на тот рубеж, когда надо искать ключик к сердцу каждого, заботиться о каждом и найти нужную тональность в разговоре с каждым.

Организационный период остался позади. Сущевич еще раз напоминает нам об этом:

— БАМ строит людей... Прописная истина. Но хочется добавить к ней: судьбы людские строятся вручную, иногда руками ювелиров, а не на потоке...

ПО-ЗЛОБИНСКИ!

От станции Тында до точки, где обрывалась в те дни стальная нитка, не так уж далеко. Мы попали на эту точку в час, когда она была не просто горячей, а кипящей. Здесь, на берегу довольно своенравной реки, «колдовали» мостостроители. Укладка первого пролета была назначена на пятнадцать часов, сейчас уже шестнадцать, а махину эту — семьдесят тонн весом — еще и не подкатили к опорам. Все начальники в сборе. Поглядывают на часы. Нервничают. Привыкли к ширяевской точности. А Ширяев невозмутим, спокоен и на первый взгляд даже нетороплив.

Мостостроитель он потомственный. И дед и отец тому же делу много лет жизни отдали. Евгению было семнадцать, когда он вместе с отцом первый в своей жизни мост строил. Сперва под началом отца новое дело осваивал, а потом, окончив школу мастеров мостостроения, сам командовать стал.

Принято считать, что мостостроители — люди богатырского телосложения. А Евгений Полиэтович Ширяев — человек невысокий, худой, но крепко скроенный, резкий и точный в движениях своих. И в словах — добавили бы мы. Но это уже не по собственным наблюдениям, а по рассказам тех, кто видел его в большом, трудном деле, когда клали мосты на линии Бам — Тында. Их отряд с ходу бросили на штурм. Сроки были архисжатыми: обязались во что бы то ни стало ко Дню Победы первый поезд пустить. А тут непривычно суровые, жгучие морозы — мостоотряд из Прибалтики прибыл, к тайге, к пятидесяти градусам ниже нуля люди не привыкли еще. А кругом только и слышно: быстрей, быстрей! Обычно на ту работу, что поручили мостостроителям, два месяца давали. Они взялись за десять дней справиться. Евгений Полиэтович собрал ребят и объявил: «Предлагаю по-злобински подряд взять. Как считаете?» Кое-кто заколебался: «А если фронта работ не дадут? Что же тогда — позор?..» «Должны дать, обязаны дать, если договор с нами подпишут.— И Ширяев решительно заявил: — Гарантирую фронт работ».

Они уходили со стройки моста только на несколько часов — перекусить, отдохнуть, обогреться. Работали днем и ночью, на ветру, на обжигающем лицо и руки мартовском морозе. Мост сработали досрочно. С тех пор бригада так и продолжает трудиться на подряде.

...Недалеко от реки — сборочная площадка. Решено подопорную часть приваривать к пролету здесь же, на месте, а не над рекой. Так удобнее, так быстрее дело пойдет. Ширяев сидит на корточках и, манипулируя руками, подает команды тому, кто на вышке крана.

— Мало-помалу... Так, так... Чуть кверху.

А потом взмахом руки: «Опускай!»

Облегченно вздохнули все: и те, кто работал, и те, кто наблюдал. И снова голос Ширяева:

— Точно! Сваривай! Пош-ш-шел!

Пока идет сварка, Ширяев в сторонке о чем-то беседует с начальником отряда С. В. Гарсиашвили. По выражению их лиц нетрудно догадаться: разговор не из приятных. Позже мы спросили у Ширяева: «О чем шла речь?» «Упрекал». «За что? По делу или нет?» Ширяев нахмурился: «По делу! Правильно сказал. Бригада наша всегда слово держала. Назначили на пятнадцать часов, значит, ни минутой позже. А тут конфуз. Я не стал объяснять — задержали подачу пролетных строений. Заверил: наверстаем, досрочно закончим».

И вот уже, толкаемый тепловозом, поддерживаемый гигантским краном, медленно ползет к реке мостовой пролет с подопорной частью впереди. А сбоку двигаются ширяевцы, готовые немедленно ринуться на штурм реки. В них был тот неугасимый огонь энтузиазма, что рождает силу духа, одолевающую и холод, и жестокую тайгу, и всякие неполадки, в общем-то неизбежные на большой стройке. Позже мы узнали, что ширяевцы и на этот раз слово сдержали. Когда писались эти строки, строители уже оставили далеко позади ту горячую точку, из которой мы вели репортаж. Стальные рельсы, нацеленные на якутский уголь, устремились вдаль.

Смена мастера В. Локтионова (первый слева).

Тында строится, улетают самолеты, уходят поезда.

АДРЕС ИЗВЕСТЕН

7 июля исполняется шестая годовщина Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Социалистической Республикой Румынией. Накануне мы позвонили в город Яссы на металлургический комбинат, где работает группа советских специалистов. У телефона — руководитель группы А. В. ЯМПОЛЬСКИЙ.

— Александр Васильевич, с чего начался сегодня у вас рабочий день?

— Как обычно, с короткой летучки — что сделано, что предстоит в ближайшие дни. Она проводится вместе с румынскими инженерами и техниками, в содружестве с которыми мы монтируем здесь трубоэлектросварочный стан мощностью 305 тысяч тонн труб в год. Он занимает добрую половину цеха. Стан такого типа — первый в Румынии. Выгода от него взаимная: изготовленные здесь трубы будут поставляться и в Советский Союз.

Сейчас параллельно с монтажом уже идет опробование отдельных узлов, полностью работы закончатся в 1977 году. Основные агрегаты изготовлены на заводе тяжелого машиностроения в Электростали. Четверо моих коллег приехали сюда из Краматорска, Днепропетровска, Кировоградской области.

— Какое место на экономической карте Румынии занимает комбинат?

— В Яссах сейчас выпускается 550 тысяч тонн труб в год — около 40 процентов всего их производства в стране.

— Яссы для вас, наверно, уже хорошо знакомый город?

— Да, за год у каждого из нас здесь появилось много друзей. И просто незнакомые люди подходят иногда на улице, расспрашивают о нашей стране. А как-то один из родственников написал мне сюда письмо, забыв указать на конверте город. Он написал: Румыния, назвал улицу, квартал и мою фамилию. Что вы думаете — письмо дошло!

На снимке: советские и румынские специалисты на металлургическом комбинате в Яссах.

СОЛИДАРНОСТЬ

6 июля исполняется 15 лет со дня заключения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой.

За полтора десятилетия строки этого документа воплотились в конкретные дела. На заводе близ портового города Унги из сибирской нефти получают бензин. Корейские рыбаки выходят в море на судах, переданных республике Советским Союзом. Идут на поля минеральные удобрения с Хыннамского комбината в Хамхыне. Его называют ветераном большой химии КНДР. Комбинат этот также вступил в строй при содействии нашей страны. Сегодня в республике более 70 промышленных и других объектов, построенных и сооружаемых с помощью советских друзей.

В соответствии с новым межправительственным соглашением на период до 1980 года предусматривается дальнейший рост товарооборота между КНДР и СССР, расширение номенклатуры взаимопоставляемых товаров.

Советский Союз является не только верным помощником братской Кореи в строительстве новых заводов и фабрик. Наша страна последовательно выступает за то, чтобы на Корейском полуострове утвердился прочный мир. Для этого нужно в первую очередь устранить главный источник напряженности — вывести из Южной Кореи иностранные войска, находящиеся там под флагом ООН.

В эти дни в СССР проводится месячник солидарности с борьбой корейского народа за вывод иностранных войск из Южной Кореи и объединение страны на мирной, демократической основе. Верные принципам пролетарского интернационализма, советские люди выражают решимость крепить и развивать дружбу с корейским народом, добиваться объединения страны на мирной, демократической основе.

На текстильном комбинате в Хамхыне.
Фото ЦТАК — ТАСС.

УБЕДИТЕЛЬНЫЙ УСПЕХ

Иван БОЧАРОВ

Успех итальянских коммунистов в Италии на досрочных парламентских выборах 20—21 июня продемонстрировал неодолимую волю к переменам и обновлению политического курса страны миллионных масс ее населения. Напомним, что выборы проходили в исключительно сложной обстановке. Италия переживает невиданный по своей остроте экономический кризис. Закрываются фабрики и заводы, растет безработица, особенно среди молодежи. Свирепствует инфляция, по темпам роста которой Италия давно уже достигла рекордов среди стран Общего рынка.

На экономический кризис наложился кризис политический, выражающийся в неспособности правящего большинства найти выход из экономического тупика, в котором оказалась Италия.

Старый блок не мог управлять по-старому, но он и не хотел нового и поэтому навязал Италии досрочные парламентские выборы, вторые досрочные выборы на протяжении последних четырех лет. Уже одно это говорит о беспрецедентных политических противоречиях в Италии. Консервативные силы взяли курс на то, чтобы ни в коем случае не допустить на парламентских выборах сдвига влево, усиления влияния коммунистической партии.

В ход было пущено все — от кровавых провокационных вылазок неофашистов и других подрывных сил до вмешательства в избирательную борьбу клерикалов, а также открытого давления из-за океана и со стороны высоких инстанций НАТО. Итальянцев пугали голодом, политической и хозяйственной разрухой в том случае, если в результате выборов к власти придут левые силы, грозились лишить страну внешних займов, угрожали финансовыми репрессиями в связи с ее нынешними государственными задолженностями, выражающимися в астрономической цифре — почти 16 миллиардов долларов.

Результаты выборов показали, что антикоммунистическая деятельность правых сил не принесла желаемых плодов. Коммунистическая партия одержала на выборах 20—21 июня самую выдающуюся победу в своей истории, получив поддержку 12 620 тысяч избирателей (мы приводим данные голосования в палату депутатов), что составляет 34,4 процента голосов — на 7,3 процента больше, чем на предыдущих парламентских выборах 1972 года.

Таким образом, итальянские коммунисты не только подтвердили успех, достигнутый на административных выборах 1975 года, но и распространили свое влияние на новые массы трудового населения. Наибольший прирост голосов итальянские коммунисты, как подтверждает анализ итогов выборов, получили среди молодежи, впервые участвующей в голосовании, на территории обездоленного и безработного юга страны, более всего страдающего от нынешней разрухи, в городах и районах, где во главе местных органов власти стоят коммунисты. В одном только Неаполе — в городе, где в результате выборов 1975 года мэром впервые стал коммунист,— партия сейчас собрала на 20 процентов голосов больше по сравнению с парламентскими выборами 1972 года.

В основном сохранила свои позиции Итальянская социалистическая партия. За нее голосовала при выборах в палату депутатов 3541 тысяча избирателей —9,6 процента, то есть столько же, что и на выборах в 1972 году.

Что касается христианско-демократической, ведущей буржуазной партии Италии, то после серьезного поражения на прошлогодних административных выборах она не смогла полностью восстановить позиции, на которых находилась во время предыдущих парламентских выборов 1972 года. Получив 38,7 процента голосов при выборах в палату депутатов и 38,9 процента при выборах в сенат, христианские демократы потеряли три депутатских места, сохранив свои места в сенате.

В целом в результате выборов позиция консервативных сил, учитывая потерю в 2,6 процента голосов со стороны неофашистской партии, значительно сузилась. ХДП теперь уже не имеет возможности формировать центристские кабинеты в союзе с социал-демократами, республиканцами и либералами, поскольку центристский блок в настоящем составе парламента уже не обладает большим влиянием. Не может ХДП теперь прибегнуть и к левоцентристской комбинации, поскольку социалистическая партия решительно отказывается входить в правительство, если оно будет исключать коммунистов.

Результаты выборов означают двойное поражение антикоммунистического курса ХДП, не давшего этой партии ожидаемой поддержки и значительно усложнившего ее позиции в парламенте. Выборы еще раз показали, что страной нельзя управлять без коммунистов.

Итальянская коммунистическая партия, учитывая неотложность стоящих перед страной задач по стабилизации ее экономики и защищая демократические завоевания народа в период предвыборной кампании, выступила как партия, которая болеет за интересы всей нации. Для выхода из кризиса, исходя из чрезвычайного момента, переживаемого Италией, коммунисты предложили сформировать коалиционное правительство с учетом всех демократических и народных сил, включая и компартию, как единственно эффективное средство для решения проблемы дня.

Почти половина участвовавших в выборах 20—21 июня отдали свои голоса коммунистам, социалистам и другим левым группировкам. Это говорит о том, что обновление политического руководства в Италии, привлечение компартии к управлению страной — вопросы, которые ставит жизнь и от которых нельзя уйти ни путем возрождения разновидностей антикоммунизма, ни путем других маневров с целью запугивания масс.

РИМ, по телефону

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

XII выставка произведений членов Академии художеств СССР.

С. Григорьев. Род. 1910. СТУДЕНТКА.

Ю. Кугач. Род. 1917. АПРЕЛЬ В ДЕРЕВНЕ.

XII выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Костры

Петря ДАРИЕНКО

ВМЕСТЕ

Москва,
Я твой, как никогда,
Сегодня.
И, жизнь исчерпав,
Тоже буду твой.
Я по-молдавски
С нежностью сыновней
Зову Россию
Матерью родной.

Мне
Каждый сын России —
Брат сердечный.
Наш узел чувств
Един,
Как мирный мир.
И в каждом молдаванине
Извечно
Жил и живет
Свой
Дмитрий Кантемир.

ОСКОЛКИ

Из друзей, чья дружба горяча,
Из раздумий и дискуссий колких
Время наподобие врача
Извлекает рваные осколки.

Извлекает их из-под земли,
Из раздольных песен и рассветов,
Из цветенья, где гудят шмели,
Из насквозь пробитых партбилетов.

Время вырывает их навек
Из широт, где мы царим, как боги,
Из открытых миру ясных вех
Нами пролагаемой дороги.

Это все — отметины войны.
Время все раненья честно лечит.
Но они во мне всегда видны,
И неистребим их чет и нечет.

ЗАВЕЩАНИЕ ПЕВЦА

Был певец простым слугой народа
На посту.
Он пронес сквозь все свои невзгоды
Чистоту.
Испытал страды походной иго
На пути.
Подарил своей Отчизне книгу —
На, прочти.
На хвалу и деньги не был падок
В беге лет.
Начертал на избранной из радуг
Свой завет:
Чтоб не стал твой путь пустым да серым —
Выбирай.
Чтоб для сына стать во всем примером —
Выбирай.
Чтоб в строю бойцов не мало значить —
Выбирай.
Будь собой и сам себе задачи
Выбирай.
Каждый шаг на жизненной арене
Выбирай.
Из любых свою лишь точку зренья
Выбирай.
Чтоб в борьбе стоять несокрушимо —
Выбирай.
Из вершин лишь высшую вершину
Выбирай.
В вечной схватке доброго и злого —
Выбирай.
Коль решил добиться силы слова —
Выбирай!

ДЕБЮТ

«Зрелость! Апогей! Вторая юность!» —
Так трубят иные о других.
«От какой болезни вы свихнулись?» —
Хочется порой спросить у них.

Юность, а за нею все земное,
Тяжкий труд, взорленье на Парнас —
Это есть всегда не что иное,
Как дебют для каждого из нас!

ОБЪЯСНЕНИЕ

Не путайся в прогнозах визуальных,
Меня осмотром меряя косым,
Мол, какова моя национальность?
Где я рожден? И чей, по сути, сын?

Вся уйма строк моих гласит об этом:
Рожден в Молдове, тут свой начал путь.
А родиной мне — вся Страна Советов,
Она мне — Вера, Честь, Судьба и Суть.

Перевел с молдавского
Сергей СМИРНОВ.

СКРЫЛАСЬ ТЫ ЗА ХОЛМАМИ...

Скрылась ты за холмами чужими,
За тобою я вслед не бегу,
Но твое дорогое мне имя
Ни проклясть, ни забыть не могу.

Ведь когда-то со мною делила
Ты и радость мою и беду,
Но развеялось вдруг все, что было,
Как осенние листья в саду.

Все идет по законам природы —
Лето, осень, зима и весна.
Для меня пятым временем года
Неизменно была ты одна.

Ты подобна нежданному чуду,
И, пока я живу и пою,
Я твою красоту не забуду,
И жестокость, и нежность твою.

НАШ ИНСТИТУТ

Тираспольскому пединституту посвящается

Новый день из-за кодр улыбнулся рассветно,
Над тетрадью склоняется солнце челом,
Наш родной институт, по тропинке заветной
На свиданье с тобою мы снова идем!

Как для тех, кто домой не пришел из похода,
Свято выполнив долг перед нашей землей,
Ты в мороз и в туман, при любой непогоде
Будешь нашим костром, путеводной звездой.

И над домом твоим и над кленом зеленым
Бушевала гроза, все сметая кругом.
Сколько бывших студентов в солдатских погонах
Закалила война беспощадным огнем!

Станут в доме твоем и близки и понятны
Нам все тайны науки, что скрыты вдали,
И дела и заботы земли необъятной,
Беспокойной и все же прекрасной земли.

Здесь впервые любовь нас казнила весною
И притом возносила в небесную высь.
И грехи не туда нас заводят порою,
Очень молоды мы, ты на нас не сердись.

Как для тех, кто домой не пришел из похода,
Свято выполнив долг перед нашей землей,
Ты в мороз и в туман, при любой непогоде
Будешь нашим костром, путеводной звездой.

Перевел с молдавского
Петр ГРАДОВ.

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧН

Начальник штаба подполковник Демьянов сидел над картой, но, увидев вошедшего в блиндаж Алейникова, которого хорошо знал по неоднократным наездам в дивизию по делам, связанным с переходом его людей через линию фронта, обрадованно разогнулся.

— Яков Николаевич! Милости прошу...— Повернулся к худенькой телефонистке, с огромными, как подсолнухи, глазами, сидевшей в углу над аппаратом: — А ты звони этому чертову автомобилисту, пока не дозвонишься.

— Алло, «Сосна», алло, «Сосна», — тотчас слабеньким, к тому же надорванным, с хрипотцой, голосом заговорила в трубку девушка, скользнув равнодушно глазами по Алейникову. — Алло, «Сосна», «Сосна»... Дайте двадцать первый. Дайте двадцать первый...

— Ну, Яков Николаевич, здравствуй, здравствуй... — Подполковник был молод, жизнерадостен, тщательно выбрит. Гимнастерка хорошо отутюжена, подворотничок сверкал белизной, начищенные пуговицы горели. — Пойдем, на воздухе покурим.

КП начальника штаба 215-й дивизии был наскоро, видимо, только вчера, отрыт на южной стороне небольшого холма, поросшего мохнатыми сосенками. Большая часть сосен была срублена для устройства самого блиндажа и глубоких щелей, которые тянулись куда-то вправо и влево. На склонах холма и вокруг КП торчали многочисленные пни, для маскировки замазанные сверху землей.

Возле блиндажа стоял бронетранспортер, грузовик с разбитым кузовом и почему-то несколько новеньких полевых кухонь. Под двумя большими соснами — дощатый некрашеный стол и две скамейки. Тут же на дереве висел умывальник, возле него полотенце. Рядом с умывальником к сосновому стволу было прикреплено маленькое зеркальце. Проходя мимо, Алейников глянул в него, увидел свое усталое, землистое лицо и позавидовал свежести подполковника.

— Бродников?! — крикнул начальник штаба.

Появился долговязый старший лейтенант, его ординарец.

— Иди встречай командира штрафной роты. Он позвонил, что выехал.

Ординарец ушел куда-то за блиндаж.

— Ну, ты, значит, все по-своему воюешь, Яков Николаевич? — Подполковник спросил его с такой усмешкой, будто то дело, которым занимался Алейников, было несерьезным, всего-навсего детской забавой, хотя тут же и добавил: — Вовремя твои ребятки немецкий склад с боеприпасами в Половникове в атмосферу подняли. Иначе ни за что бы нам сейчас не остановить фашиста под Жереховом. Ждут сейчас, как докладывает разведка, состава с боеприпасами из Орла, а может, из самого Брянска. Железную дорогу, говорят, охраняют строже, чем своего фюрера. На земле и в воздухе. Нашим самолетам не пробиться.

Алейников поглядел на часы.

— Охраняют и не пробиться... — промолвил он, думая о группе своих подрывников, которая два дня назад перешла линию фронта с заданием во что бы то ни стало подорвать этот состав под станцией Глазуновкой. Удастся это им или нет, но заведенный Алейниковым механизм действовал теперь сам собой, и чем-либо помочь Яков Николаевич уже не мог. Если все там у них благополучно, состав этот не дойдет, сегодня ночью взлетит на воздух. — В Половникове сержант Сизиков погиб, лучший мой разведчик. Он прикрывал группу, когда она отходила после взрыва. Сознательно пожертвовал собой...

— Сознательно... — Демьянов, вскрывавший новую пачку «Казбека», покосился на блиндаж, в котором находилась сейчас одна телефонистка, вызывавшая какого-то «двадцать первого». — Да, каких мы, Яков Николаевич, людей теряем. И сколько! Да если бы только в бою... в открытом бою!

Начальник штаба дивизии протянул Алейникову открытую пачку.

— Где ж ты еще людей теряешь? — спросил тот.

— У меня в полках все медицинские пункты переполнены тяжелоранеными. Многим нужны срочные операции, всякая другая помощь. А в тыловые госпитали вывезти не на чем. Начальник армейского отдела автомобильной службы ни одной машины не дает.

— С автотранспортом для эвакуации раненых, насколько я знаю, везде тяжко, — промолвил Алейников, садясь за стол.

— Да я что, не понимаю! Но от понимания не легче, люди умирают. Ты по каким делам к нам?

Июльское солнце поднялось уже высоко, солнечные лучи пронизывали редкие верхушки сосен, тени почти нигде не было, кроме того места, где стоял дощатый стол. Подполковник расстегнул гимнастерку и носовым платком обтирал шею.

— Сегодня ночью на вашем участке должны мои ребята возвращаться с задания. Мы тоже знаем о том составе с боеприпасами из Орла. Наши люди наблюдали, как его грузили... Пытались магнитную мину куда-нибудь прилепить или в уголь подложить. Не удалось. Не все удается, к сожалению... Послали наспех группу, чтоб на перегоне где-нибудь этот состав... Под Глазуновкой есть удобное место.

— Не сплохуют твои ребятки?

— Не все удается, говорю, — еще раз повторил Алейников и пожал плечами. — Посмотрим... Ну, а заодно земляков вот поискать. Вот этих. — Алейников стал расстегивать планшет. — Где-то у тебя они тут.

Демьянов глянул в газету.

— А-а, вон какие у тебя земляки! Только до них сейчас не добраться. Они на высоте 162,4, а высота окружена немцами.

— Как же... они там оказались?

— Да как? Свой танк они в бою потеряли, еще под Соборовкой. Из всего экипажа вдвоем в живых остались. Мы их вчера на самоходку посадили — танков нет. Танкистов достаточно, а вот танков... Бой-то тут, слышал, какой вчера был? Ужас!

— Слышал, — сказал Алейников.

— Самоходкой этой лейтенант Магомедов командовал. Азербайджанец, горячий как черт. Мне докладывали, что эта самоходка прорвалась в немецкие порядки, смяла фашистскую батарею, но там ее подожгли все-таки. А Семена Савельева контузило... Тогда горящая самоходка назад рванулась и с тыла начала расстреливать наступающие на высоту немецкие танки. Эту высоту батарея старшего лейтенанта Ружейникова обороняла...

— Я знаю эту высотку, — проговорил Алейников. — За ней до самой речки пустое поле, на котором до войны, говорят, гуси паслись да футбольный мяч жереховские ребятишки гоняли.

— Ага, пустое поле. Вокруг высоты вообще голо. Я слышал, это могильный курган какой-то... А я, знаешь, по профессии археолог, — зачем-то сообщил подполковник и застенчиво, по-мальчишески, улыбнулся, будто извиняясь за свою довоенную профессию. — Ну, Ружейников намолотил под высотой вражеских танков. Но и из его батареи осталось две пушки и три человека на два орудия. А тут и вырвалась откуда-то из немецкого тыла наша самоходка. Немецкие танкисты, видно, не могли в дыму разобрать, что их с тыла расстреливают, думали, что на высоте несколько наших батарей. Вражеские танки обтекли высоту с обеих сторон, за ними — пехота... Так и оказались твои земляки на окруженной высоте. Их там сейчас шесть человек — Савельевы, командир самоходного орудия Магомедов да трое с батареи Ружейникова... Собственно, это вчера было шестеро. Со вчерашнего вечера сведений не имеем...

Пока Демьянов, дымя папиросой, все это рассказывал, Алейников пытался представить себе, как выглядит сейчас Иван Савельев. Но сделать этого не мог. В памяти держалась одна-единственная картина: Иван, длинный, худой, с заросшими белесой щетиной щеками, стоит в дождевике и старой фуражке на пологом увале, по которому разбрелось колхозное стадо. Через плечо у него длинный кнут... Таким Алейников впервые встретил его осенью сорок первого, когда тот незадолго до этого вернулся из заключения, отсидев свои шесть лет. И разговор их, короткий и нелегкий для обоих, уже несколько дней стоял в ушах Якова:

«— Здравствуй.
— Здравствуй.
— Узнал, стало быть?
— Я не забывал. Во сне часто снишься.
— Обижаешься, понятно, на меня?
— Да нет...»

Интересно, думал сейчас мучительно Алейников, помнит ли Иван тот их разговор? Конечно, не забыл... Есть события, поступки, люди, которые никогда, до самой гробовой доски, не выветриваются из памяти, не стирает их время. Останется ли он, Иван Савельев, жив? Пусть останется...

Алейников во время той встречи с ним еще считал, что отсидел свой срок он справедливо, и с холодной усмешкой спросил еще: «В военкомат, Иван Силантьевич, не вызывали тебя?» А тот ответил, как тогда ему показалось, с вызовом, с нехорошим смыслом: «Нет. А сам не напрашиваюсь. Вызовут — что ж, приду».

Ну да, подумал тогда Алейников, куда ж денешься, придешь. И на фронт поедешь. Только быстренько у немцев окажешься, перебежишь к ним.

И вот давно Иван на фронте. И не перебежал на сторону немцев. У немцев оказался брат Ивана, Федор, которого Алейников считал человеком верным и преданным. Ах, как права, как бесконечно права была Галина, бывшая жена, которая, уходя от него, бросила: «...ты глуп и тупоголов, как...»

— Самоходку они бросили за минуту до взрыва баков с горючим, как доложил Магомедов вчера по рации, — проговорил снова Демьянов. — И к высоте, к Ружейнико-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—26.

ву, сумели отойти. А немцев мы остановили только на окраине Жерехова.

Начальник штаба дивизии задымил еще гуще, поглядел вверх, за вершины деревьев.

— Боюсь, погибнут твои земляки. А мы помочь пока бессильны. Но останутся живы или нет — надо, я думаю, их всех к героям представлять. Недавно твоих земляков к ордену Ленина представили. А надо бы сразу к героям. Ничего, мы исправим это.

Подполковник бросил окурок вниз между ног, раздавил его носком сапога.

На КП начальника штаба дивизии никаких звуков войны не доносилось, стояла здесь ничем пока не нарушаемая тишина, в душной тени под соседними соснами жужжали откуда-то взявшиеся две или три пчелы.

— Высоту эту нам приказано завтра к утру взять. А чем? Мы просили подкреплений, а нам из штаба армии прислали только штрафную роту. А что рота — сотня с чем-то человек...

— Рота? Штрафная? — откликнулся Алейников. — А ты когда-нибудь имел дела со штрафными ротами?

— Не случалось как-то...

— Иная штрафная рота — не меньше дивизии.

— Как так?!

— Да так. До тысячи и больше человек.

— Ты что говоришь! Не может того быть. Рота есть рота.

— Может.

— Не может! — почему-то с упрямством и ожесточением воскликнул Демьянов. — Кроме того, разве нам штрафники нужны? Наша дивизия стоит на стыке двух армий... А какая это дивизия? В ней едва-едва четыре сотни бойцов осталось. В приданных двух полках — тоже всего ничего, одни названия. Дивизия соседней армии от нас почти в двух километрах. Немцы этого еще, судя по всему, не знают. А узнают, нащупают это место —и зайдут к нам в тыл.

ЫЙ ЗОВ

Тогда что? Заткнуть нам эти два километра нечем.

— Не зайдут. Там непроходимые болота.

— Да, может быть, только этим и объясняется, что немцы пока не ударили с тыла...

Алейников еще посидел, задумавшись. Пчелы под соснами все жужжали.

Загудел, приближаясь, автомобильный мотор, из-за сосен выкатился трофейный «оппель-капитан» в маскировочных пятнах. Алейников и Демьянов одновременно повернулись на звук.

— Ну, пора мне ехать, — сказал Алейников. — Своих землячков, Савельевых, останутся живы, отыщу как-нибудь... если успею. На днях в тыл к немцам ухожу. Прощай.

— Ты сам? — удивился Демьянов. — Зачем?

— Ну, зачем... — усмехнулся Алейников, вставая. — Есть кой-какие дела...

Говоря это, Алейников ощутил, как в его ушах что-то тоненько запело, зазвенело, будто какая-то пчела, жужжавшая под соснами, подлетела к самому лицу. Снова сев, откинувшись к стволу сосны, он во все глаза глядел, как из подкатившей машины вышел сначала ординарец начальника штаба дивизии Бродников, потом длиннорукий верзила капитан, непонятно как уместившийся в машине, затем коротенький по сравнению с ним, хотя тоже кряжистый, неповоротливый, старший лейтенант. Верзила как-то нехотя выпрямился во весь свой двухметровый рост и, медленно раскачивая огромными, тяжелыми, как камни, кулаками, сделал несколько шагов к вставшему навстречу начальнику штаба, поднял широкую ладонь к пилотке.

— Товарищ подполковник! Командир переданной в оперативное подчинение вашей дивизии 143-й отдельной армейской штрафной роты капитан Кошкин и агитатор роты старший лейтенант Лыков прибыли для получения боевой задачи.

Капитан докладывал не торопясь, отчетливо выговаривая слова. И каждое слово, казалось Алейникову, тяжелой свинцовой каплей падает на горячую землю, ему под ноги, и взрывается там. Он смотрел на широченную спину Кошкина, обтянутую порыжевшей от солнца гимнастеркой, на огромные лопатки, похожие на крылья большой и сильной птицы, и почему-то думал, что если в эту спину ударит пуля, она ни за что не пробьет ее, отскочит, как от танковой брони.

— Кто, кто? — переспросил подполковник Демьянов, выслушав доклад. — Как это понять — агитатор?

— Так у нас называется заместитель командира роты по политической части, — спокойно ответил Кошкин, не отрывая руку от пилотки, тоже старой, давно облинявшей.

— Вольно, — произнес Демьянов, с нескрываемым любопытством и даже удивлением разглядывая громадного капитана и старшего лейтенанта. Но те, видимо, давно привыкли к этому, стояли себе, ожидая дальнейших слов начальника штаба дивизии. Руку капитан опустил, но держался все же навытяжку.

Демьянов поглядел на Алейникова. Кошкин тоже скосил свои пронзительно черные глаза, скользнул ими равнодушно по его фигуре и опять стал глядеть в лицо подполковника. «Не узнал», — с облегчением почему-то подумал Яков, ясно понимая, что через какую-то минуту он сам подойдет к нему, поздоровается и все разъяснится. А какие первые слова скажет Кошкин, узнав наконец его, Алейникова? Что будет у него в голове, в глазах? Удивление, брезгливость, презрение?

— Ну и... сколько вас в роте? — спросил Демьянов как-то негромко, вкрадчиво. — Какова численность?

— Одна тысяча девяносто два бойца, не считая постоянного состава, — отчеканил Кошкин.

— Сколько?! — Демьянов даже отступил на пару шагов.

— Одна тысяча девяносто два бойца, не считая...

«А за что нас, Яков Николаевич?» — гудел в ушах Алейникова этот же голос, который докладывал подполковнику о численности штрафной роты. Тогда только этот голос был глуше, он был усталый и от усталости, видимо, равнодушен, хотя печальные, обреченные ноты прорывались в нем сами собой. Тогда он, Яков Алейников, зимней лунной ночью тридцать восьмого арестовал вот этого человека и председателя Шантарского райпотребсоюза Засухина одним заходом. Ясно, будто это было вчера, Яков припомнил, как он стучался в двери сперва одного, потом другого, как из домов доносился женский и детский плач, когда он их уводил... И потом вот этот капитан с колючими, короткими усами, почти полностью поседевшими, тогда безусый, в сапогах, тужурке и старенькой меховой шапке, наблюдал, как дежурный камеры предварительного заключения расписывается в книге в приеме заключенных, и тут-то он негромко и спросил: «А за что нас, Яков Николаевич?»

Алейников, по-прежнему сидя на врытой в землю скамейке, поставил локти на колени, ладонями закрыл щеки и уши. Ладони были горячими, он услышал, как в пальцах толчками бьется кровь. А может, не в пальцах, а в висках...

— Что значит не считая постоянного состава? — будто издалека донесся голос Демьянова.

— Постоянный состав, товарищ подполковник, — это офицеры и сержанты роты. Мы с Лыковым, командиры взводов, помпохоз, старшина роты, медицинский персонал... Всего человек около тридцати, — ровно докладывал Кошкин, опять же нисколько не удивляясь вопросу подполковника. Голос командира роты то отчетливо доходил до Алейникова, то пропадал куда-то, проваливался. — А остальные — переменный, значит, штрафники, заключенные. У нас дело ведь такое: кровью смоет человек преступление — снимаем судимость, отправляем в обычные войска. А в роту поступают новые. Потому и переменный называется.

— Понятно, — сказал Демьянов. — Спасибо, капитан, за разъяснение. Извините уж.

— Это все обыкновенно, товарищ подполковник. Нам постоянно приходится объяснять...

Яков Алейников, чувствуя, как в груди разливается что-то неприятное и холодное, поднялся рывком и шагнул к капитану и подполковнику. Те одновременно повернулись навстречу.

— Здравствуй, Данила... э-э...

— Иванович — отчество мое, Яков Николаевич, — так же неторопливо, как рассказывал о составе и численности штрафной роты, проговорил Кошкин. — Здравия желаю, товарищ майор.

— Ты... узнал меня?

— Так точно, Яков Николаевич. Еще из машины, когда подъезжали. Глаз у меня зоркий... Рубец-то на щеке у тебя памятный.

Демьянов с изумлением переводил глаза с одного на другого.

— Вы знакомы, выходит?

— Земляк это мой, — промолвил Алейников.

— Как, еще один?

— Что поделаешь? Земля, видать, тесновата стала. Значит, рубец? И тоже... по ночам я тебе снился, выходит?

— Никак нет, Яков Николаевич... Думать о тебе частенько думал. А чтоб сниться — нет. Нервы, должно, у меня крепкие.

Подполковник Демьянов слушал этот разговор и ничего не понимал.

* * *

Спустя час капитан Кошкин, сильно размахивая тяжелыми, как гири, кулаками, нагнув голову, по-журавлиному шагал вдоль улицы деревеньки Малые Балыки, когда-то уютной, видимо, утопающей в тополиных зарослях, а сейчас почти начисто стертой с лица земли огненным валом войны. Ступал он тяжело, из-под хромовых, порядком разбитых сапог тугими фонтанчиками брызгала пыль. Кошкин, кажется, с любопытством глядел на стреляющие из-под ног пыльные струйки и негромко рассказывал:

— До середины сорок второго, Яков Николаевич, я сидел... Вместе мы с Засухиным были в лагере строгого режима. Помнишь Василия Степановича-то?

Кошкин поднял голову, глянул на Алейникова. Тот, наоборот, опустил свою.

— Ты прости, Алейников... Ты попросил рассказать, я и говорю.

— Ничего... Ты не жалей меня.

— Да мне что тебя жалеть? — усмехнулся Кошкин. — Ну вот... Лагерь большой был, на севере, в самой почти тундре. Скучать было некогда. Там, в тундре этой, и остался навсегда Засухин Василий Степанович... Воробьев, стой! — закричал вдруг Кошкин вслед обогнавшему их грузовику, замахал руками. Машина остановилась, из кузова, заваленного какими-то мешками и тюками, выпрыгнул коротконогий старшина, подбежал, приложил руку к пилотке.

— Ты что, сам за «делами» заключенных, что ли, ездил? — Кошкин кивнул на грузовик. И, повернувшись к Алейникову, пояснил: — Это старшина нашей роты.

— Никак нет, товарищ капитан. Я попутно — проверить, не осталось ли какого имущества в эшелоне по разгильдяйству и недогляду. Ничего вроде...

По улице меж развалин домов, обгоревших деревьев сновали обыкновенные по виду бойцы — в гимнастерках, в пилотках, в кирзовых сапогах, — занимаясь устройством на новом месте. Но они же были и заключенными. После боя, в который штрафной роте предстояло вступить завтра на рассвете, сюда приедет весь состав военного трибунала армии, будет на месте освобождать отличившихся. Таковым в первую очередь считается каждый, получивший в бою хоть какое-то ранение. На них напишут боевые характеристики, заполнят справки об освобождении и кого отправят по санротам и госпиталям на излечение, других, с пустяковыми царапинами, откомандируют в различные армейские части. «Дела» погибших в бою будут отложены отдельно, запакованы, опечатаны, снабжены соответствующей документацией и отправлены в армейский трибунал... Мешки и тюки, в которые запакованы сейчас «дела» всего списочного переменного состава роты, сильно похудеют, а может, и вообще станут пустыми. Но это ненадолго, через несколько дней в роту прибудет пополнение. Может, несколько вагонов, может, целый эшелон...

— Склады ПФС прибыли?

— Так точно, товарищ капитан.

— Все заявки командиров взводов на обувь, портянки, обмундирование удовлетворить к вечеру.

— Удовлетворим, товарищ капитан. — Старшина был рыжеволос, лицо изрезано крупными морщинами, кулаки по-крестьянски большие, как и у самого командира роты. — Ручных пулеметов не хватает, товарищ капитан, процентов на тридцать, автоматов почти наполовину...

— Я знаю. Помпохоз уехал на армейские склады с нашей заявкой. — И Кошкин повернулся к Алейникову: — Оружие заключенным выдается у нас только перед боем.

— Вот как... — зачем-то произнес Алейников, хотя отлично это знал.

— В НЗ выдать по два сухаря, квадрату горохового концентрата, сахар... И по банке свиной тушенки на троих.

— Слушаюсь.

— Поскольку мы уже считаемся в наступлении — можно к ужину выдать по сто граммов водки.

— Слушаюсь.

— И мне фляжку сейчас. Вот встретились... с земляком.

— Сей минут, товарищ капитан,— опять кивнул старшина.

Кошкин и Алейников пошли дальше. Шли и молчали, обоим трудно было продолжать прерванный разговор. Яков Алейников засунул руки под мышки, будто ладони у него зябли, и с каким-то тупым раздражением на самого себя думал, что напрасно он увязался за Кошкиным, напрасно расспрашивает о прежнем... И вообще встреча эта — лучше бы ее не было. Как в омут, нырнул он, Алейников, во фронтовое

месиво огня и смерти в надежде, что все это прежнее останется где-то там, в прошлой, далекой и страшной жизни, которая никогда не вернется, ни с кем из людей, так или иначе соприкасавшихся с ним на его прежнем жизненном пути, особенно с теми, для кого это соприкосновение кончилось так... трагически, как для Кошкина, он не встретится. Ведь тысячи и тысячи километров фронта, десятки тысяч километров военных дорог, все постоянно движется, кипит и бурлит, как в котле, фантастические размеры которого невозможно и представить. Но именно в силу того, наверное, что все кипит и движется, он, Алейников, узнает вдруг: где-то рядом, не очень далеко Федор Савельев. Потом из дивизионной газеты узнает о его сыне и младшем брате, Иване Савельеве. И, наконец, Кошкин Данила Иванович, которого в партизанском отряде Кружилина звали «Данила-громила». Об Иване, Семене, Федоре Савельевых Алейников только слышал, а Кошкин Данила — вот он, живьем, вышагивает рядом, как журавль. Изменился он, бывший заведующий райфинотделом, порядком: голова наполовину поседела, плечи сильнее ссутулились. Черты лица резко обострились, в темных глазах появился какой-то жестокий, пронизывающий свет. Но сколько пришлось ему пережить и перенести?! Другой согнулся бы, сломался давным-давно, а этот...

Против воли Яков Алейников вдруг вспомнил ту зимнюю, морозную ночь тридцать восьмого года, снег, нависший под застрехами домов, шапками лежавший на столбах заборчиков. Он, этот свежий, чистый снег, искрился под лунным светом, горел розовым и голубым светом. Данило Кошкин, когда он, Алейников, вошел к нему в дом, сидел у порога, зная уже, зачем пришел Яков, спокойно навертывал портянки и натягивал сапоги. Из другой комнатушки выглянула дочь Кошкина, лет пятнадцати, замерла в дверях, в глазах ее бился страх, губы тряслись. Оттуда же выскочил пятилетний мальчишка, закричал пронзительно: «Тя-атька-а!..» Потом жена, сын и дочь Кошкина завыли в три голоса, повисли на нем...

Штрафная рота прибыла ночью эшелоном из-под Валуек, где она длительное время находилась на доукомплектовании. Так сказал в машине Кошкин. Завтра с наступлением темноты роте предстояло вступить в бой на стыке 215-й дивизии с соседом.

Отовсюду — из открытых окон уцелевших домов, из-за редких обгоревших и переломанных заборов и плетней, запыленных кустарников, где группами сидели на земле или слонялись бойцы,— неслись крики, хохот, звуки губной гармошки, сочная похабщина. Кошкин на это не обращал внимания. Да и Яков Алейников тоже. Он знал, что такое штрафники. У них свой быт, свои песни, свои законы. В атаку они ходили не с криками «Ура!» или тем более «За Родину!», «За Сталина!» — в воздухе стояла такая густая матерщина, что никли, казалось, кусты и травы. Немецкие солдаты и офицеры, говорят, заслышав такую «музыку», бледнели, у них возникала дрожь в руках и ногах. Да и возникнет, усмехнулся про себя Алейников, если штрафникам удавалось прорвать и смять оборону немцев — всех их до единого ждала смерть, в плен штрафники никого не брали.

Заметив двух офицеров, бойцы немного умолкали, с каким-то интересом и любопытством провожали взглядами Кошкина и Алейникова. Попадавшиеся навстречу солдаты вытягивались и отдавали честь по всем правилам. А это говорило о многом.

— Чувствуется, уважают тебя,— сказал Алейников.

— Ага,— ответил, не оборачиваясь, Кошкин.— Под Валуйками на ночных тактических занятиях дважды в меня стреляли.

— Вот как!

— Да. Хочешь, я тебе его покажу?

— Кого?

— А который стрелял.

Это Алейникова удивило. Любой боец штрафной роты, поднявший руку на командира, должен быть расстрелян на месте без суда.

— Любопытно, конечно.

— Да, тебе будет интересно на него взглянуть,— почему-то ответил Кошкин, свернул в переулок.

Через минуту вышли на окраину села, где кособочилась на земле сорванная взрывом соломенная крыша бывшего колхозного тока. Метрах в десяти от нее дымился костерок, на треноге висело закопченное кривобокое ведерко, в нем что-то варилось. У огня сидело двое бойцов в старых, замызганных пилотках. Третий лежал на земле, на надерганной из крыши тока соломе. Он лежал на спине, руки заложил под голову, смотрел в небо и тянул унылую тюремную песню:

...Я помню тот ванинский порт
И борт парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на бо-орт
В холодные, мрачные трюмы...

Двое, сидевшие у костра, видели приближающихся к ним офицеров, но делали вид, что не замечают. Лежавший на соломе все тоскливо голосил:

...Пред нами стелился туман,
Вздымалась пучина морская.
Вдали нам светил Магада-ан,
Столица Колымского края...

— Вста-ать! — рявкнул Кошкин.

Двое, сидевшие у самого огня, медленно и нехотя повернулись на голос, какое-то время смотрели на Кошкина так, будто не узнавали командира роты. Лежавший прекратил петь, тоже повернул голову.

— А-а,— протянул равнодушно один из сидевших и стал подниматься. Он был высок, чуть сутуловат, и когда встал, длинные руки его опустились чуть не до колен. Потом поднялся тот, который пел,— парень лет около тридцати, с красивыми смоляными бровями. Он не встал даже, а торопливо, с откровенно издевательской подобострастностью вскочил, вытянулся, обнаружив великолепную фигуру, бросил руку к виску.

— Здравия желаю, товарищ капитан. И товарищ майор. Извините, ослабли зрением. Должно быть, от долгого полового воздержания глаза у меня сохнут. А у Кафтанова с Зубовым и другие органы, хе-хе...

— Молчать! — опять крикнул Кошкин, на этот раз не очень громко. Но в голосе его было столько властности и металла, что даже у Алейникова где-то внутри возник, пробежал холодок.

Макара Кафтанова он узнал сразу, едва услышав фамилию, определил его по широким крыльям носа, как у его отца Михаила Лукича Кафтанова, по законченным глазам, как у его брата Зиновия, которого он, Яков, когда-то выследил в Громотухинской тайге и приволок в кабинет к Кружилину. И Зубова узнал: память на людей у него была цепкая.

Алейников не удивлялся теперь уже еще одной встрече с земляками, стоял и смотрел на Макара Кафтанова, потом на Зубова. Гимнастерка на Кафтанове была расстегнута, тощая грудь густо покрыта синими наколками.

— Который же стрелял из трех? — спросил Алейников.

— А вот этот... Это сын того полковника Зубова, который тебе метку на всю жизнь оставил. Помнишь?

— Ну как же. Старый знакомец.

Петр Зубов шевельнул ресницами, отчего кошачьи глаза его блеснули, Макар Кафтанов запустил руку под гимнастерку, почесал грудь, но под взглядом Кошкина начал гимнастерку нехотя застегивать.

— А этот певец кто?

— Фамилия его Гвоздев...

— А-а,— кивнул Алейников.— Тоже земляк. Слыхал...

— Ладно, отдыхайте. Пошли, Яков Николаевич.

Зубов с Кафтановым немедленно опустились на землю, а Гвоздев все стоял, хлопая ресницами, поворачивал голову вслед уходящим. Потом до Якова и Кошкина донесся удивленный его вскрик:

— Бра-атцы-кролики! Это же Алейников... Энкеведешник шантарский!

Продолжение следует.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА САЖИНА

О МОРЕ И ЛЮДЯХ

Все свои семьдесят лет Петр Александрович Сажин живет беспокойной, целеустремленной жизнью. Работал каменщиком, грузчиком, слесарем. Плавал кочегаром на торговых и промысловых судах, побывал во многих странах. Потом в качестве журналиста исколесил почти всю нашу страну.

В годы Великой Отечественной войны воевал в рядах Военно-Морского Флота, участвовал в обороне Одессы и Севастополя. Много писал о войне. Не случайно от произведений Петра Сажина веет ратной и трудовой доблестью, веет жизнью — не выдуманной, а подлинной. Одаренность и открытый характер, ум и сердечность, тактичность и проницательность притягивают людей к Петру Александровичу.

Его книги — «У крыши мира», «Британский профиль», «Щит Севастополя», «Капитан Кирибеев», «Трамонтана», «Сирень», «Три часа», «Севастопольская хроника» — не залеживаются на книжных полках. В них — галерея людей мужественных, прямых, скупых на слова, упорных и самозабвенных, скромных и великодушных. Весь этот самобытный люд обладает богатым духовным миром, беспредельным чувством товарищества. Своеобразный сажинский почерк, твердая стилевая интонация, откровенность — все это оказывает на читателя свое воздействие, заставляет прислушаться к тому, о чем говорит автор. В его произведениях слышен голос русского патриота, горячо любящего страну, ее людей.

Особое место в творчестве П. Сажина занимают море и люди, жизнью связанные с морем. Писатель сказал однажды: «Я не знаю, что послужило побудительной причиной возникновения у меня огромной, страстной, до душевного ожога, любви к морю... Ведь я родился и провел юношеские годы в степной части нашей страны — на Тамбовщине...» И, не замыкаясь лишь в морской теме, лучшие книги свои писатель посвятил именно морю, ибо «художник не должен изображать, не может изображать, чего он не любил, чего не любит».

Семьдесят лет... Судьба обычно не предоставляет писателям, словно витязям из древних сказаний, набора дорожных указателей: «Туда пойдешь... сделаешь то-то...» Счастлив тот литератор, который мудр потому прежде всего, что сложные законы жизни постиг, творя. Творчество Петра Сажина тем и ценно, что в своих произведениях он мудр и искренен — по-настоящему, без всяких скидок и уступок. Писатель-коммунист, писатель-боец, связавший свои художественные устремления с великой целью народа, он служит духовному росту человека.

Михаил ЛАПШИН

Н. М. Ужвий.

«Солдатская вдова».

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

СЛУЖ

«...Искусство есть служение Высшему во всем».

Е. Вахтангов.
Из письма К. С. Станиславскому (1919).

Небольшой, как может показаться снаружи, Театр имени Ивана Франко сразу весь открывается взгляду, когда поднимаешься к нему с Крещатика по улице Карла Маркса... На маленькой круглой площади перед театром и у подъезда уже горят вечерние фонари. Здесь людно и оживленно. Постепенно шум, говор публики перемещаются с площади в коридоры и фойе театра. Войдем и мы в эти старые стены, вызывающие в памяти имена тех, кто здесь жил, беззаветно отдавая себя творчеству, Искусству.

Драгоценные истоки служения идеалу, той главной цели, которая зовется счастьем народа, на украинской сцене уходят далеко в глубь времен, будучи связаны и с бессмертными шевченковскими заповедями, и с поэтическими сказаниями лирников и бандуристов, воспевавших свободу и дружбу людей, и с древними народными мистериями... Оттуда идет естественная стилистика этого театра, великолепное умение непринужденно разговаривать со зрителем о жизни. Разговаривать серьезно, при неизменной ориентации на большие мысли, общечеловеческие образы.

Своеобычный сплав традиций и современности становится осознанным эстетическим, идейно-художественным направлением в спектаклях франковцев. Головной театр Украины, он был и остается верен принципам высокой человечности, истинного гуманизма.

В репертуаре не просто сохраняются наподобие музейной редкости, а идут в одном ряду с современностью «Украденное счастье» Ивана Франко, «Кассандра» Леси Украинки и другие пьесы основоположников украинской драматургии и украинской сцены. С годами обновляется актерский состав, приходит на сцену и играет рядом с франковцами-старейшинами талантливая молодежь. Но заветные образы, полюбившиеся народу и взятые театром на вечное служение, все так же сохраняют свою притягательную силу.

Конечно, пожалеешь тех, кому никогда не пришлось встретиться на этой сцене с ее гигантами, могучими артистами Украины, какими были Амвросий Бучма и Гнат Юра, Марьян Крушельницкий и Юрий Шумский... Но их опыт и нынче обогащает школу жизненного сценического образа, насыщенного и всеми приметами времени и богатейшими красками характеров.

Принципы этой школы, животворные ее уроки щедро передают труппе актеры нынешние, чьи имена окружены любовью и уважением. Среди них прежде всего назову народную артистку СССР Наталью Михайловну Ужвий, одну из старейшин советской сцены. Герой Социалистического Труда, она и сейчас неутомимо служит народу. Каждое ее появление на сцене становится праздником театра и зрителя.

Нынче выросло новое поколение франковцев-мастеров: П. Куманченко и О. Кусенко, В. Дальский и М. Шутько, А. Гашинский и Е. Пономаренко, Ю. Ткаченко и М. Заднепровский — да разве всех назовешь! Они являются истинными наставниками

Массовая сцена из спектакля «Краковяне и гурали».

С. К. Смеян репетирует спектакль «Под высокими звездами».

Е Н И Е

молодежи и сплачивают труппу в единый, полный живого, деятельного интереса к современности коллектив. Повседневная его жизнь дышит творческим поиском и общностью цели, которые как бы уже сами по себе рождают доброжелательство и взаимную поддержку.

Мы встретились с Натальей Михайловной Ужвий сначала на спектакле «Здравствуй, Припять!» А. Левады, где она играла крестьянку, нашу современницу, бывшую партизанку Марфу, чудом спасшуюся от гибели в годы Великой Отечественной войны...

Спектакль доставил много радости... А потом я побывала и дома у знаменитой актрисы. Разумеется, разговор наш был опять же сосредоточен на том, чем живут сегодня франковцы... Далеко в прошлое ушли те времена, когда звезда украинской сцены Наталья Ужвий — точно так же, как, скажем, звезда русского театра Вера Пашенная,— постигала в годы своей молодости сценические законы, играя либо совсем без режиссера, либо подвергаясь порою различным, трудно приемлемым для нее, произвольным режиссерским «новациям».

Сейчас ни для кого нет сомнения в необходимости подлинного творческого приоритета режиссуры и при прочтении пьесы и при постановке спектакля.

— Но власть режиссера,— улыбается Ужвий,— особая власть: она вплотную зависит от умения проникать в актерскую душу.

В режиссерском характере Сергея Константиновича Смеяна, возглавляющего театр, привлекают спокойная энергия и мудрость, а в его действиях — неспешность решений и масштабность замыслов. И тех, что уже реализованы театром, и заветных, будущих, о чем только еще мечтает режиссер. И тут снова видишь органическое неприятие моды, решительный отказ от вторичного. Видишь типичное для истинно современного художника тяготение к большой проблематике, где смело, глубинно осмысливаются и шекспировские образы и образы ленинской, коммунистической эпохи.

— От режиссера, разумеется, целиком зависит и репертуар. К счастью коллектива, а значит, и зрителя, Смеян и тут использует свою власть главы театра, вроде бы и не настаивая на ней. Она возникает органично благодаря духовному приоритету, какой дается руководителю отнюдь не за счет самой «власти»,— размышляют о жизни родного театра Ужвий и Пономаренко.

— Конечно, Смеяну нелегко! Там, где прежде действовала в содружестве целая когорта франковцев-корифеев, теперь за все приходится отвечать главному, ну, и, конечно, всему коллективу; в итоге театр дышит всей грудью, тесно связан со зрителем и отнюдь не нуждается в модных заимствованиях!

Н. М. Ужвий говорит это с понятной гордостью. Отнюдь не будучи консервативным, театр берет из современности именно то, что отвечает его благородной миссии, его вкусам, его традициям. Утверждение коммунистической сущности советского бытия, определяя режиссерскую концепцию, сообщает театру мощный творческий импульс. И, вдумываясь в работу франковцев, убеждаешься снова в силе метода социалистического реализма. Крупные создания театра, не боящегося — вопреки моде — изображать действительную жизнь, показывают — идя от противного! — как разрушителен для содержания самодовлеющий «модерн». И как безжизненна вялая ортодоксальность, пренебрегающая острой, верно найденной формой.

Помимо классики — украинской, русской, советской и мировой,— в афише Театра Франко широко представлены пьесы, нескрываемо отвечающие «злобе дня». Однако же, поднимая острые, насущные вопросы народной жизни, театр придерживается своей темы, выражает собственные взгляды на окружающий мир... Вовсе не случайно франковцы показывают, скажем, сразу четыре пьесы талантливого украинского драматурга Н. Зарудного: «Пора желтых листьев», «Такое долгое, долгое лето», «Дороги, которые мы выбираем» и, наконец, премьеру, недавно осуществленную С. Смеяном,— «Под высокими звездами».

Я видела и этот спектакль — один из тех, что франковцы посвятили XXV съезду КПСС. Премьера идет мажорно, с подъемом. Герои втягивают нас в свои заботы, тревоги, надежды. Публика принимает премьеру горячо, заинтересованно.

— Труппа считает, что «Под высокими звездами» — одна из самых сильных пьес Зарудного. И столь же интересна режиссерская работа Смеяна,— рассказывает Н. М. Ужвий.— Здесь все сплавилось воедино: и живой юмор и острая мысль о событиях и задачах современности. Тут и радости и драмы человеческие. Хороший руководитель вдруг в чем-то отстал, чего-то не понял, не сумел найти созвучие с современностью. А без этого нельзя: невольно станешь помехой! Всякая работа сегодня есть творчество, как это и сказано в решениях партийного съезда...

Сама Ужвий — великолепный тому пример...

На афише франковцев значатся многие пьесы А. Корнейчука, А. Коломийца, А. Левады и других украинских драматургов. В то же время театр широко привлекает писателей-современников, знает их, делает их своими активными соратниками. С любовью поставлены, например, и с успехом идут «Солдатская вдова» Н. Анкилова, «Каса Маре» Иона Друцэ, «В ночь лунного затмения» Мустая Карима, подготовлена премьера: «Золотые костры» Исидора Штока...

На редкость мужественно выявлена франковцами гуманная тема «Солдатской вдовы», где заглавную роль играет Валентина Смеян-Березка.

Ее героиня поражает трагизмом и духовной силой. Сколько раз уж я видела эту пьесу, а забыть о сложности отношений, раскрытых актрисой в дуэте с С. Станкевичем, не могу. В спектакле нет «проходных» фигур — все полны жизни, значительны. Постановка, осуществленная Р. Коломийцем, утверждает общность народов нашей страны, их братство.

Интернациональные устремления франковцев, несомненно, подчеркнуты и премьерой «Краковяне и гурали». Старинную шуточную польскую народную комедию, весело и легко изложенную в стихах Войцехом Богуславским, франковцы решают в своих традициях, хотя для работы над постановкой были приглашены из Польши режиссер Ежи Красовский, художник Войцех Краковский и хореограф Барбара Фиевская. Совместная работа с ними увлекла труппу; получился своеобразный музыкальный спектакль, веселый и занятный, отвечающий всем законам жанра и в то же время — вот удивительное дело! — не сбивающийся на модный мюзикл! Интрига втягивает все новых участников, действие становится массовым, веселье — всеобщим. И тут на первом плане обычаи народа, характеры людей, их чувства, их радость и горе... И поэтому не остаешься безразличным, когда герои приходят наконец к счастливому — как и положено в таком жанре — финалу.

...Расставаться с театром не хочется.

Драгоценный запас творчества накоплен этим коллективом, умеющим подниматься в своих спектаклях над всем преходящим.

Мощным потоком течет здесь жизнь. Она несет свои идеалы зрителям, внушая чувство ответственности за все, что происходит вокруг.

А. М. Похмельнова и Е. С. Холмакова.

К. БАРЫКИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Если на циферблате ваших часов написано «Слава» — значит, они отсюда, из цехов 2-го часового завода. Миллионы часов делают здесь — элегантных, современных, добротных. Знают их и у нас и в других странах. В Англии они называются «Секонда», в Канаде — «Кардинал». В прошлом году одна из английских газет констатировала: «Первое успешное «проникновение» советских потребительских товаров на западные рынки началось с поставки часов. Игра стоила свеч, и в этом году «Глобал уотчез» намерена продать в Англии полмиллиона часов «Секонда».

И как тут не вспомнить другую, давнюю заметку из швейцарской газеты, ссылку на которую можно найти в заводском музее: «Ни сегодня, ни завтра Советам не удастся стать фабрикантами часов». Написано это в 1930 году. Время было выбрано не случайно. Тогда завод только начинал массовый выпуск первых часов — будильников.

Теперь это предприятие ежегодно дает стране 8 миллионов 150 тысяч часов (план 1976 года), на его знамени — два ордена. Будете на ВДНХ, остановитесь возле Всесоюзной Доски почета и отыщите на одном из ее золотистых полукружий свидетельство того, что коллектив удостоен знака «За трудовую доблесть в девятой пятилетке».

Шел завод к своим успехам не проторенной дорогой, сам ее себе прокладывал, искал не как проще, а как лучше. А это «лучше» составляется из такого множества дел и забот, что и не перечислишь.

Такое, например, дело: мода на часы. Еще вчера женщины атаковали прилавки, на которых были выставлены мужские часы,— мода! Теперь от этого отходят, но есть и другие позиции, которые нельзя не учитывать. Речь идет не только о технических высотах, но и о таких, казалось бы, неинженерных показателях, как требования дизайнеров.

— Красота и модность часов — понятия материальные,— говорит главный конструктор завода Анатолий Васильевич Захаров.— И уж, безусловно, экономические. Технология и конструкция, в том числе конструкция корпуса, неразделимы. Создавая часы, мы, естественно, руководствуемся технологическими возможностями предприятия...

— Идете у них на поводу?

— Ни в коем случае! Учитываем их. А это не одно и то же.

Одна из точек отсчета — новые конструкции.

О них мы и продолжаем разговор с главным конструктором:

— Что такое современные часы? Прежде всего точность и надежность. Когда конструкторы и технологи ввели, узаконили секундную стрелку, это значительно повысило степень доверия к модели. И по-другому пошел отсчет времени. Такие часы дисциплинируют человека, а значит, и берегут его время. Но теперь появились новые требования — к механизму. Он должен обеспечить не только точность хода, но и красоту часов. Скажем, были модны сверхтонкие часы — механизм им соответствовал. Сейчас — массивные, и механизм изменился. Это объективная закономерность, мы не можем ею пренебрегать, если не хотим отстать. Моду надо принимать не как чей-то каприз, а как фактор, способствующий прогрессу.

Попробую проиллюстрировать это таким примером. Много лет назад выпускали у нас часы «Победа». И сейчас еще на завод приходят благодарственные письма. Пишут, что часы по пятнадцать — двадцать лет работают отменно. Вроде бы приготовь новый корпус, и все. Но ведь механизм-то — из вчерашнего дня. Вспомните, на автомобиль «Победа» никто не жаловался. Но возможен ли он сейчас, на конвейере современного автозавода? Я уж не говорю о городской улице. И мотор у «Победы» был хорош. Но не переставляют же его на «Волгу». Примерно так и с часами. Это вовсе не значит, что для каждого нового корпуса будут делать новый механизм, но появилась некая определенность, высчитанная, доказанная практикой: десять лет — оптимальный срок, отведенный для существования механизма без особых изменений. Внешний же облик часов за это время может меняться два-три раза. И, вероятно, настанет пора, когда вы в мастерской или прямо в магазине сможете заменить не часы, а только их корпус на другой, более модный, современный...

— Качество определяется и другими слагаемыми,— сказали мне на предприятии.

Устанавливаются опережающие показатели не только для конеч-

В циферблатах отражен свет девичьих глаз. НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: 21-й цех — краснознаменный.

ной продукции, но и на промежуточных этапах ее изготовления. Отработал, скажем, такой мастер, как А. М. Похмельнова, наиболее эффективные операции; предложил своего рода технологию завтрашнего дня — ее выверяют и вводят в ритм сегодняшнего конвейера. Соседи и коллеги, ученые Научно-исследовательского института часовой промышленности и других институтов и организаций разработали методику, позволившую при испытании наручных часов использовать ЭВМ, а уж она-то не даст качество в обиду. С ЭВМ не договоришься в конце месяца, когда наступает запарка: будь, дескать, покладистее, плюс-минус десять — пятнадцать секунд — беда невелика.

Есть и на заводе весьма строгий страж интересов покупателя — отдел технического контроля с Борисом Ивановичем Козловым во главе. Служба эта находится на той самой полосе, по одну сторону которой — предприятие, а по другую — покупатели. Работники хотя и состоят в штате завода, но не забывают о своей обязанности — представлять и покупателя.

— Считаете ли вы возможным один процент брака? — не то спрашивает, не то рассуждает Борис Иванович.— Вроде бы что за беда — один процент? Но попробуем перевести его из сферы цифр в сферу повседневных, обыденных взаимоотношений. Допустим, девяносто девять покупателей приобрели вполне доброкачественные часы, а сотый — с браком. И вот этот один судит о нашем предприятии не с позиции тех девяноста девяти, а со своей. И он, разумеется, прав.

Поэтому здесь введена строгая система проверок.

— Вроде частокола?

— Не частокол,— уточняет Козлов,— а технологическая дисциплина. Завод такого класса, как наш, не может позволить себе никаких послаблений. Готовые часы месяц не выходят с завода — проверяются.

Умение, мастерство, опыт, высокая требовательность — это слагаемые на пути к первоклассным часам. Но есть на этой линии уязвимые участки... Законы делового партнерства, которые на самом заводе возводятся в принцип, далеко не всегда соблюдаются смежниками. Сейчас утвердились часы с металлическим браслетом. Но завод дает с ним только часть своей продукции. Предполагается, что те, кому не достались часы с браслетом, могут зайти в магазин и купить его. Теоретически — да. Практически — если повезет. Вообще-то их делают. И продают — даже в табачных киосках. Но это браслеты другие, несовременные. Правда, лоск на них навели — хромировкой, анодированием, а то и позолотой. Красоты особой нет, но дороже стали заметно. Конструктивно же остались на прежнем уровне. Еще хуже с кожаными ремешками. Они грубы, жестки, неряшливо сшиты, с очень плохими пряжками. И все равно покупают — других-то нет!

Важнейшая деталь часов — пружины. С ними много бывает хлопот. Поставляет их Ленинградский сталепрокатный завод. Не вдаваясь в анализ сложившихся взаимоотношений, скажу, что нередко полученные пружины не соответствуют утвержденному стандарту и техническим условиям.

...У часовщиков есть такое профессиональное понятие—«оценочное число». Чем оно ниже, тем лучше. Обратная, так сказать, зависимость. В швейцарской промышленности, пока занимающей по количеству выпускаемых часов первое место в мире, такое число — допустимый «потолок» — 22 единицы. А для дорогостоящих, экстра-класса —4—6 единиц. «Слава» вышла на такие позиции: 6—12 единиц.

Я говорю о мужских часах потому, что в десятой пятилетке их выпуск резко возрастет.

Разумеется, появятся не только сегодняшние, уже хорошо отработанные изделия. Через два-три года сойдет с конвейера первая партия кварцевых часов, наручных, с двумя календарями. Внешне они в общем-то мало чем отличаются от механических, но кварцевые — это новый шаг вперед. Кварцевые часы существуют уже сегодня, на заводе мне их показывали, подчеркивая исключительную точность хода: отступления — 0,3—0,5 секунды в сутки. Опытная партия изготовлена и проходит все горнила проверок.

...Я спросил Козлова:

— Кому ОТК безоговорочно доверяет?

Он улыбнулся:

— Доверяет всему заводскому коллективу и, несмотря на это, проверяет всю продукцию.

Я сформулировал вопрос иначе:

— Чья продукция вызывает меньше всего нареканий?

— Побывайте в двадцать первом цехе и познакомьтесь со сменой мастера Елены Семеновны Холмаковой.

Мы нередко и охотно повторяем: все зависит от людей. Но люди-то разные, даже если делают одно дело. Несколько дней я присматривался к тому, как работает на этом участке Антонина Михайловна Похмельнова.

Говорили, что, когда лет 20 назад она пришла на завод, были у нее на руке простенькие часики, в которых она души не чаяла. На этом ее знакомство с часами и заканчивалось. Сейчас она знает часовой механизм досконально, кажется, с закрытыми глазами соберет его. Мастер. И отличный наставник молодежи.

— Случается, приходит к нам девушка,— говорит Антонина Михайловна,— а ей бы только пересидеть тут до поступления в институт. Белый халатик, маникюр, чистота вокруг — почему бы год-другой и не поработать в такой обстановке. Пришла — ушла... Осуждать тоже не всякого надо — у каждого свои жизненные планы. Но ведь заводу да и промышленности в целом нужны постоянные кадры, люди, преданные своему делу, любящие его. Можно ли искать романтику в сборке часов? А разве нет таинства в том, что руки твои превращают разрозненные, мертвые детальки в живой организм? В нем все подогнано, все рассчитано, все красиво, и оживает он в твоих же руках. Не перестаю удивляться этому чуду! Однако по романтическому баллу наша профессия уступает многим другим. Это факт. Но если все подадутся на самую что ни на есть романтическую работу, ну, скажем, в космонавты, кто же для них, для космонавтов, будет рубашки шить, хлеб печь, часы делать? Ведь без них же космонавты, даже по фотографиям видно, не летают. Это я к тому, что надо реально на жизнь смотреть... Подходит ко мне как-то Галя Михеева. «Скучная, — говорит, — неинтересная работа». Сидела она тогда на сборке основного механизма. Посоветовала я ей пересесть за другой стол, где ладку хода ведут. Операция посложнее и даже в чем-то творческая. Одного умения тут мало, мастер должен чувствовать часы, понимать механизм. И вот уже третий год занимается Галя этим делом. А как работает — загляденье!

...Конвейеры в этом цехе не сплошная лента, они здесь индивидуальные. Что это дало? Прежде всего, как считает Похмельнова, избавились от монотонности — на одной операции можно задержаться подольше, а другую, отлаженную, выполнить побыстрее. Время на изготовление часов осталось прежним, но расходуется оно теперь по усмотрению самой сборщицы. Очень толково, продуманно размещены рабочие места. Правда, мне показалось, что сама Антонина Михайловна занимает далеко не лучшее, не самое удобное место. Казалось бы, ветеран, депутат, Герой Социалистического Труда — могла бы выбрать себе...

— А она и выбрала,— замечает мне мастер смены.— Вы приглядитесь...

К Похмельновой то и дело подходят люди—проконсультироваться, показать механизм, который почему-то не послушен. Тут уж лучшее место — в центре участка.

Просто, спокойно, внешне не броско, но с уверенностью, которую дает только отменное знание своего дела, работает Похмельнова. И когда видишь, как обращается она с часами, словно бы ощущаешь истоки качества, которым славен завод.

Умение анализировать, считать, задумываться над тем, что делаешь сегодня, каждый день и о том, что будешь делать завтра, послезавтра,— все это воспитывают в людях на 2-м часовом. Здесь поощряют споры о профессии, тут почти все девушки щеголяют с часами, сделанными на родном заводе,— это тоже укрепляет чувство рабочей гордости за свое предприятие.

Перед входом в 21-й цех — просторный, даже парадный холл. Настенная роспись, дорогой рояль, портреты передовиков. И несколько броских цифр.

Посчитай, подумай... Ведь без бережливости, может, не было бы и такого холла, куда с охотой наведываются лучшие артисты, чтобы выступить перед тобой в обеденный перерыв. Если, конечно, останется время от обеда. А оно остается далеко не всегда, потому что столовая на таком производстве плохая. И готовят невкусно, и посуда какая-то неряшливая. Забегут девчата, на скорую руку перекусят — только бы поскорее отсюда. Вот взялся бы кто продолжить счет: на сколько процентов снижает такая столовая производительность труда?

И в заключение хочется сказать несколько слов о торговле часами. Организована она весьма посредственно. Их можно купить едва ли не в привокзальной галантерейной лавке. Понятно, что здесь часы даже не проверишь как следует перед покупкой.

*
* *

...Недавно редакция газеты «Советская торговля» провела интересный опрос. «Ваше мнение о часах?» — спросила газета своих читателей. Пришло шесть тысяч писем-«рецензий» на часы. И первое место было отдано «Славе».

Идти в ногу со временем — в традициях 2-го часового.

Часы — это нежность пальцев.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Он был убит в начале 1942 года под Гжатском. Солдат и поэт, один из тех, кто, невзирая на молодость, уверенно вписал свое имя в летопись советской литературы.

Сегодняшний читатель с вниманием и глубокой заинтересованностью прочтет документальную повесть В. Сердюка «Выше смерти. Страницы жизни Николая Майорова». Эти «страницы» составлены биографом из воспоминаний, из писем Николая Майорова к близким и любимым людям, из бесед автора со знавшими поэта в те далекие годы, из интервью с писателями и, наконец, из диалогов. Эти диалоги — вымышленные и в то же время правдивые, ибо опираются на понимание личности поэта и на знание его жизненной и творческой позиции. В. Сердюк показывает, как сформировалась эта позиция: детство в большой и дружной рабочей семье, под гул новостроек, под победную и торжественную музыку «событий из большого мира». Судьба благоволила Майорову, он был жизнерадостен, был оптимистом. Но при этом он рано осознал, как тернист путь художника. «В том... и радость, чтобы мучиться и терзаться»,— скажет он впоследствии в письме к другу, подтвердив эту мысль пушкинскими строками: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».

Представитель новой эпохи, Майоров стремился «испить толику из огромной, мощной реки, имя которой — русская культура», вобрать в себя культурное наследие прошлого, с тем чтобы полнее, серьезнее выразить настоящее. Связи с традициями русского стиха — гражданского и лирического — проявились в его творчестве очень рано. Он усваивал, преломлял через собственную поэзию опыт Маяковского, Есенина, Блока, Пастернака. Они были его учителями. Преемственность образов, отношения к жизни — активного, действенного — делала слышнее его собственный голос.

Он был поэтом-лириком. Любовь вдохновила его на создание прекрасных стихов. Сила, страстность, «буйный темперамент», неукротимость лирического героя привлекают в поэзии Майорова. Его стихам свойственна глубоко лирическая нота, крутая ритмическая разбивка строк, где акценты и непредвиденные смысловые ударения создают исключительную напряженность и стремительность движения.

Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом.
И все ж любить ее — такую!

И при этом — душевная зрелость, готовность логически завершить мысль, довести слово до последнего упора.

Публицистика была так же близка Майорову, как и лирика. Провидение поэта заставляло его видеть то, чего не видели и не понимали многие. Будучи современником великой эпохи, Майоров различал и опасности, грозившие его стране. Интуиция позволила ему предвидеть и отразить в стихах ход истории и — в этом есть трагическая нота — свою собственную судьбу.

Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном
хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными
ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Эти строки Николая Майорова вспоминаются, когда читаешь страницы документальной повести о поэте.

Рано созревшее, мужественное дарование и рано ушедшее... Есть своя закономерность в том, что талант, которому отпущено мало времени, успевает все-таки «уложиться» в предельно краткий срок, с полнотой и звучностью заявить о себе.

Н. КАЙДАЛОВА

Виталий Сердюк. Выше смерти. Страницы жизни Николая Майорова. «Молодая гвардия», № 5, 1975.

Олег СКУРАТОВ

Не один раз читал я письмо Алексея Жердева. И в редакции и в долгой дороге, что началась в Москве, а закончилась у реки Шелонь, в селах бывшего Партизанского края...

«Зимой сорок второго,— писал алматинец Жердев,— я служил в Панфиловской дивизии. Наш батальон стоял на реке Ловать, недалеко от города Холма. Но речь не обо мне. Часто вспоминаю я мартовскую ночь у деревни Каменка и удивительный эпизод, о котором хочу рассказать...

В ту ночь нас подняла на ноги стрельба за вражеской линией. Слышались разрывы гранат, пулеметные очереди... Не сразу мы поняли, что происходит в немецком тылу. Вскоре на нейтралку прошла полковая разведка, а за ней двинулись минеры и стали вехами обозначать проходы в минных полях.

И вдруг на «ничейной» земле показались... крестьянские сани, запряженные лошадьми. Они мчались к нашим окопам. А мы не верили своим глазам. Ведь не танки — обоз прорывал фронт!

Волнение охватило бойцов. Многие даже поднялись на бруствер... «Давай!»— слышалось из наших окопов. Скоро груженые сани уже проносились мимо. Возчики — среди них были женщины и подростки — во всю мочь гнали коней.

На следующий день командование объявило, что через фронт прошел обоз с хлебом для Ленинграда. Другие подробности мне неизвестны. И хотя немало повидал за четыре фронтовых года, ни о чем подобном не слышал. Потому и прошу «Огонек» рассказать об этом малоизвестном эпизоде войны».

Я читал письмо, а в памяти оживало давнее мальчишеское воспоминание, казалось, набело выметенное временем... Март сорок второго. Охтенский мост. Толпа, стоящая на сквозном ветру...

Днем радио передало: подходит партизанский обоз! И мы не уходим, ждем, хотя за Невой видны лишь клубы дыма. Горит подожженная обстрелом Охта. А народ все прибывает. С Суворовского проспекта прошла группа женщин с заводским флагом «Красной работницы». На набережной встал военный оркестр. Вверху плещется поперек настила привязанный к проводам плакат: «Ленинград благодарит сестер и братьев партизанской земли!»

Кто-то крикнул: «Идут!», и мы их увидели... В чумазых полушубках, в ушанках, перехваченных наискось лентой, партизаны входили на гулкий от мороза мост. А мы рванулись навстречу и кричали «ура» застывшими, чуть слышными голосами...

...И вот я читаю чуть пожелтевшие, бережно подшитые листки. На каждом в верхнем углу строка — «Смерть немецким оккупантам».

Как давно это было...

Сейчас Иван Васильевич Виноградов — корреспондент «Правды» и автор нескольких книг. Но и поныне считает он, что самое трудное и ответственное задание в своей журналистской работе выполнил в марте сорок второго...

— Десятки деревень объехал я с путевым блокнотом, записывая наказы партизан и колхозников. Простые, идущие от сердца строки ложились на страницы черновика. Помню, письмо начиналось словами: «Русский народ никогда не будет стоять на коленях!»

Виноградов рассказал, что текст размножили в тринадцати школьных тетрадях, а затем направили по деревням и землянкам. За великую честь считалось подписать такое письмо. Хотя каждый знал: попади оно к врагу — расстрел...

...Одна из этих тетрадей, потемневшая от талого снега и крови, хранится в ленинградском музее. Трудным путем попала она в Ленинград. За несколько дней до отправки обоза Виноградов направил с этой тетрадью в Сосницкий сельсовет работника дедовической «тройки» Семена Засорина. Прошли сутки, но Засорин не возвращался. Все беспокоились, а особенно Тоня Лосева, комсомольский работник «тройки»... Да, любовь была и тогда, в лихолетье, а любящее сердце первым беду чувствует...

Беда и верно случилась. Ночью в штаб прискакал посыльный: «Убит Засорин!» Позже стало известно, что каратели внезапно окружили дом, где собрались колхозники. Загремели выстрелы... Погибли охранявшие дом партизаны и вместе с ними председатель сельсовета Михаил Воробьев. Схватив лежавшую на столе тетрадь, Семен Засорин выбил окно и выпрыгнул на улицу. Жизнь десятков людей зависела теперь от того, найдут ли каратели их подписи под письмом.

Засорин бежал к лесу, падал и вновь поднимался. Он был уже дважды ранен, но продолжал отстреливаться из автомата. Еще одна пуля прожгла плечо. Кончился диск. Семен по-

командировка по письму читателя

СЛЕД ПАРТИЗАНСКИХ САНЕЙ

На помощь Ленинграду...

Письмо Алексея Жердева и это воспоминание стали прологом долгого поиска. Начался он встречей с генералом Асмоловым. В сорок втором Алексей Никитович возглавлял партизанский отдел Северо-Западного фронта. Генерал рассказал мне, что к западу от Холма и Старой Руссы находился Партизанский край — земля, отвоеванная народом у вражеской армии. Сотни деревень жили здесь по законам Советской власти. Работали колхозы, сельсоветы, выходила газета... Этой многогранной деятельностью руководили коммунисты. Ведущую роль играла оргтройка Дедовичского района А. Г. Поруценко, Е. М. Петрова и В. И. Лильбок. Край защищала бригада Николая Васильева и весь восставший народ. В этой партизанской республике и родился великий почин — разделить с ленинградцами свой трудный, трижды считанный хлеб.

Вместе с обозом жители края направили письмо в Центральный Комитет партии. В нем говорилось о твердой решимости бороться с ненавистным врагом до последней капли крови.

— Если будете в Пскове, — сказал Алексей Никитович,— обязательно зайдите к Виноградову, нашему партизанскому редактору. Это он в землянках Серболовского леса выпускал газету «Народный мститель». И письмо на Большую землю тоже Виноградов готовил...

тянулся к кобуре, но пальцы уже не слушались. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Семен рванул ворот и, достав тетрадь, сунул ее в сугроб.

Он еще слышал, как снимали с него сапоги, как шарили по карманам, но уже не чувствовал, как в упор стрелял по нему фашист, пока не кончились в пистолете патроны...

...О Семене Засорине и о судьбе партизанского письма мне рассказывал не только Иван Виноградов, но и Лидия Семеновна Радевич, бывший партизанский хирург, ныне заслуженный врач РСФСР. Это она вынула из ран Семена семь тупорылых пуль и буквально вырвала его из рук смерти. Она и сообщила мне ленинградский адрес Антонины и Семена Засориных.

Подходя к их дому на улице Славы, я невольно подумал, что жизнь — замечательный драматург, и еще больше уверился в этом, когда в семейном альбоме среди фронтовых писем и фотографий увидел небольшой листок, скрепленный партизанской печатью: «Именем Советской власти считать Антонину Лосеву и Семена Засорина мужем и женой». Вот каким крепким цементом соединяла судьбы война...

Бесстрашный руководитель подполья Белебелковского района Н. А. Сергачев. 1942 г.

Работники подпольной дедовичской «тройки» Семен и Антонина Засорины. 1943 г.

В. А. Егоров, один из организаторов партизанского обоза.

* * *

Поезд Ленинград — Великие Луки пришел в Дедовичи ранним утром. С волнением ступил я на землю бывшего Партизанского края, о котором столько уже услышал. Рядом с райкомом — музей боевой славы. Под стеклом — отслужившее срок оружие, что и теперь находят грибники в окрестных лесах. На стене — карта пути легендарного обоза. И на следующий день по следу партизанских саней двинулся райкомовский «газик»...

В машине нас четверо: Сысой Петрович Быстров — ветеран партизанской бригады, шофер Валерий, приветливый юноша, только что отслуживший «действительную», и Игорь Григорьев, родившийся в этих местах уже после войны, но один из самых горячих исследователей боевой истории края.

На коленях у Игоря трофейная немецкая карта. Полустертой линией обведен на ней неровный овал. Игорь переводит с немецкого карандашную надпись: «Незамиренный край».

— Так и не замирили вас немцы!— шутит Валерий, поглядывая на Быстрова.

— Нет, не замирили, сынок,— отвечает Сысой Петрович,— не вышло у них...

С Быстровым я познакомился сразу же, как только приехал в Дедовичи. В райцентре его знали все. Стоило мне обмолвиться об участниках обоза, как тут же услышал: «Быстров! А других он поможет найти...»

И вот дорога, ведущая в Нивки. Леса то теснят ее, то отступают за поля, и тогда становятся видны крутые берега Шелони и темные хаты, стоящие над рекой.

— Село Железница...— тихо говорит Быстров, и мы останавливаемся на белом бугре, от которого чуть отступил лес. Выходим из машины, и нас окружает зимняя тишина... Смотрим на чуть выступающие из-под снега камни, на остатки изгороди, на потемневшие кирпичи разрушенной печной трубы...

— А где же Железница!..

Сысой Петрович закуривает, бросает потухшую спичку, потом говорит:

— На той карте, что у Игоря, сотни три таких деревень...

Все дальше уходит в глубь лесов наша машина. Станковский сельсовет... У одного из домов Быстров делает знак остановиться. Заходим в дом к колхознице Яковлевой.

— Мне в войну и десяти лет не было,— вспоминает Татьяна Павловна,— но разве забудешь... Жили тогда в Дровяной. Собирали для обоза в Ленинград кто сколько мог. А тут фашисты... Мою сестру у плетня застрелили, а половину села сожгли. Но про обоз не дознались. Не было в деревне предателей... Забрали немцы зерно, сложили в сани. Горько нам стало — не для них собрано. Но ночью подвода исчезла — Баклыков увел...

— Кто это Баклыков!— спросил я Быстрова.

— А вот вернемся в Дедовичи, познакомлю. Сейчас он на пенсии, а тогда в бригаде ведал снабжением. Должность, по нынешним понятиям, не героическая. Но за голову «Баклюка»— так его звали немцы — сулили оккупанты корову и тысячу марок. Не один раз отбивал он у них подводы с продуктами и оружием, не один раз «с повинной» приходили в комендатуру старосты: мол, везли хлеб для рейха, а Баклюк отобрал.

Через несколько дней, проезжая по окраине Дедовичей, мы увидели у штабеля бревен кряжистую фигуру старика. Неторопливо, но наверняка расшибал он колуном пузатые чурки.

— Знакомьтесь,— сказал Быстров,— это и есть Баклыков. Только предупреждаю: неразговорчив он. Недавно одна деваха анкету ему писала, спрашивает: где, мол, в войну жили! А он плечами пожал и говорит: «В лесу. Где еще быть мне...» Та девчонка и записала: «В лесу». С тех пор мы его «лесником» зовем...

Не сразу понял Баклыков, о какой подводе ведем мы речь.

— Давнее это...— раздумывая, говорил Николай Павлович.— Но ту подводу из Дровяной я помню. Сам еле ноги унес. На околице конный патруль увязался, спасибо, что «дегтярь» был... А провиант я к Анне отвез. Она тайник стерегла.

Анна Петровна Александрова живет в райцентре у переезда. Время неумолимо отсчитывает уходящие годы, и даже ее сыну, что восьмилетним встретил войну, уже за сорок...

— Пока не сожгли Дубовку, жила там с сыном,— вспоминает Анна Петровна,— а в сарае хоронила продукты, что из трех деревень свозили для нашего обоза. Немцы что-то пронюхали. Враз оцепили дом и вывели меня и Ванюшу босыми во двор. Поставили к стенке... «Где прячешь хлеб!» Молчу. А они пол в доме ломают. Думают, там спрятано. Положила я руку на Ванино плечо, прощаюсь... Офицер автомат поднял, и над головой ударили в стену пули.

«Где зарыла зерно!» И снова пули по бревнам бьют. А сарай-то в ста шагах. Наверно, застрелил бы нас немец, но ульи у забора увидел. «Русиш мед!»— закричал он и опустил автомат. Погрузили фашисты в грузовик ульи и укатили. В ту ночь и привез Баклыков подводу с зерном. А наутро все продукты переправили в Нивки.

...К этому селу и мчит нас машина. Слева, в стекле, рябит заиндевевшими стволами Серболовский лес, справа — Заверняевский. Смотрит, не отрываясь, на вековые сосны Сысой Петрович...

— Знакомые места?— спрашивает Игорь.

— Да, пожалуй, каждую тропку знаю,— начал было Быстров и замолчал. А потом тихо добавил:— Раньше знал, да годов прошло много.

И Сысой Петрович, смущаясь, рассказал, как прошлым летом он поехал с пионерами в Серболовский лес. И даже не захватил компаса, считал, что все поляны «средь ночи вспомнит». Вошли в лес, и растерялся старый партизан. Где были эти поляны, встал березняк, где помнились овражки, там бурелом.—Хорошо, солнце глянуло, а то бы усомнились ребята, что я воевал здесь. По солнцу партизанский лагерь нашли.

Быстров рассказывал, а мы и не заметили, как въехали на пустырь, окруженный домами. Впереди над сугробами высится гранитный прямоугольник. Счищаю снег, набившийся в желобки строчек. Читаю выбитую в камне надпись:

«Отсюда, из деревни Нивки, 5 марта 1942 года отправился к линии фронта партизанский обоз с продовольствием для защитников осажденного Ленинграда».

Снова вспомнился задымленный Охтенский мост. Время словно сомкнуло с сегодняшним днем давний блокадный день. И невольно посмотрел я на уходящую в лес дорогу. Но тихо в лесу... И нет в Нивках ни одного дома, что помнит партизанские проводы,— на потухших углях отстроена эта деревня. Только Евдокия Ивановна Колосова, одна на все село, видела тот обоз...

— Небогат был народ в нашем краю. Сами впроголодь жили,— рассказывает она,— но каждый что-нибудь послал ленинградцам. Кто еду, кто теплые вещи. Сосед мой, Егор Никитин, телка отдал. Ему говорят: «Сам-то как будешь? Ведь война впереди». А он отвечает: «Ничего, русскому человеку не впервой хлебом делиться...» Вот такой народ был в селе...

За Нивками дорога идет под уклон. Пробегают низкорослые сосны, а впереди, над белым покрывалом болот, лесистой горой поднимается остров.

— Это Татинец,— говорит Быстров.— Твердыня болотного края... Сюда и показаться боялись немцы — не знали тропу через топи. А теперь вот дорога проложена.

— А как же обоз прошел?

— Морозы еще стояли... прихватило сверху болота. Пружинил слегка ледок, но держал. Помню, растянулась колонна — задние сани в Нивках, а передние у Татинца. Ночь тихая, снег скрипит — за версту слышно. Ну, думаю, както через фронт пойдем? Помню, в первую ночь все двести возов чередой шли, а после командиры разделили обоз на семь частей, на случай бомбежки...

...В который раз сверяем наш путь с картой. Да какой от нее прок, если с прямой, как струна, гати нельзя свернуть ни на шаг. Но вот она кончилась, и наша машина начала подниматься на пологий бугор. Наверху, за белой поляной, высокой шапкой темнеет бор. Показались избы. Валерий глушит мотор, и мы останавливаемся у дома, где живет Анна Ивановна Егорова.

В памятном сорок втором колхозники села Вандрево единодушно выбрали ее возчицей... Да, в тот обоз возчиков выбирали! Учитывали не только умение управлять лошадью, но также помощь партизанам и участие в сборе продуктов. И каждый выбранный благодарил односельчан за оказанную честь.

— Вторая и третья ночь перехода вконец измотали нас,— говорит Анна Ивановна.— Как ни лютовал в ту зиму мороз, а в низинах сквозь снег хляби проступали... Часто то впереди, то сзади раздавался условный свист — проваливались в талый наст сани, и мы осаживали коней и спешили вытаскивать тонущую подводу. Недалеко от Заполья мы и вовсе остановились. Разведчики донесли начальнику обоза Федору Потапову, что впереди немцы... И тогда мы отвернули от Заполья к Рдейским болотам. Верно я помню? — обернулась к Быстрову Анна Ивановна.— Ведь вы в охране шли, лучше знаете, как все было.

— Правильно говоришь, Анна. С Запольем заминка вышла... Там, на развилке дорог, намечалась встреча с обозом, идущим из Белебелки. Почти сорок возов с продуктами вел секретарь райкома Николай Сергачев. Давно прошел условленный час встречи, близился рассвет. Тревожились все. Ведь немцы рядом...

— Почему же запаздывали подводы?

— Сейчас и не помню,— признался Сысой Петрович,— что-то, видно, случилось. Но можно написать в Гатчину...

Через несколько дней в редакции «Огонька» я прочитал письмо Николая Александровича Сергачева, бывшего руководителя белебелковской «тройки»:

«По плану начальника штаба бригады Василия Головая мы должны были выйти к Заполью в ночь на 8 марта. В нашей колонне шло тридцать семь тяжелогруженых саней, на которых находилось 560 пудов замороженного мяса. Ехали только по ночам, к свету маскировались в селах. Груз прятали в хаты, а сани к стене на бок ставили — так сверху не видно.

До встречи с обозом Потапова оставались считанные часы, когда на дороге мы увидели шест с насаженным веником — условный знак: в ближней деревне немцы. Пришлось сворачивать в поле. А там снег по пояс, лошади стали... Впереди саней пошли возчицы — путь протаптывать. Но скоро и они выбились из сил. А тут еще ветер потянул поземку, жжет холодом. Залепило лицо снегом, слезы на щеках стынут... Но надо спешить. Мы валились на этот проклятый снег, а потом приминали его ногами, пока не обогнули село. А когда, наконец, выехали на дорогу, я подошел к измученным женщинам и сказал им спасибо за ратный труд. И еще поздравил. Ведь шла ночь на Восьмое марта... А перед самым рассветом мы встретили разведку, посланную Федором Потаповым.

Я вспоминаю эту ночь и снова, в который раз, восхищаюсь нашим народом. В ту лихую годину до конца раскрылась его душа».

Мне осталось рассказать еще о двух встречах. Первая произошла в селе Гористом, где живет ветеран партизанской бригады Артемий Терентьев. На памятном пути в Ленинград он командовал подразделением охраны.

— В следующую ночь после заминки у Заполья обоз двигался к Рдейским болотам. Теперь вместе с санями, что привели колхозники из Белебелки, в колонне насчитывалось 223 подводы. Начинало светать, и мы встали на дневку в селе Березняки. Это село мне никогда не забыть...

В полдень над домами прошла первая группа самолетов с белыми крестами на крыльях. Низко пролетели, присматривались... Искали, видно, обоз. Но весь груз был в хатах, а лошади и сани в сараях. Со второго захода фашисты ударили по домам зажигательными пулями. И снова кружат.

Занялась огнем крыша. В окно видим: еще три хаты горят. В избе человек пятнадцать, да в тех домах, что в огне, не меньше. Но никто не выходит. Приказ для всех одинаков — не покидать хаты, пока враг над нами. А пожар дела не меняет, нельзя выдать немцам стоянку обоза...

Полведра воды — все, что в сенях нашли,— на стропила выплеснули. Но солома на крыше разгорелась вовсю, обдает жаром. Дым режет глаза, кашлем раздирает грудь. Все легли на пол, натянули на головы полушубки...

Лопнуло, видно, терпение у немца. Решили летчики, что нежилое это село. И ушли. А мы, как стемнело, двинулись прямиком к фронту.

«Прямиком к фронту»... Я вспоминал эти слова, когда на старой «двухверстке» нашел Рдейские болота. «Непроходимые» — прочитал я под названием топи. Так звали эти места издавна, такими считают и поныне. Но в войну по ним прошли прямиком.

Многие участники перехода рассказывали о той ночи. И вспоминали, как качался болотный лед, как змеились под полозьями ржавые трещины. Рвались из постромок кони... Но вот позади болота. Чудом казалась промерзшая, твердая земля.

Из-за этих болот не смогла пройти наша машина до конца по следу партизанских саней. Дорога отклонилась, ушла в сторону. Сверив наш путь с картой, Игорь Григорьев сказал с огорчением: «Все. Дальше и на лыжах не ходят».

Мы вышли из «газика» и смотрели на заснеженную равнину. Впереди, за белесым горизонтом, текла невидимая нам Ловать. Где-то там, у деревни Каменка, обоз пробился сквозь фронт...

О той ночи и написал в «Огонек» Алексей Жердев...

Заканчивалась редакционная командировка. Я простился с моими спутниками по долгой поездке... Но перед тем, как вернуться в Москву, встретился в городе Острове с Александром Георгиевичем Поруценко. О нем, бывшем руководителе дедовичской оргтройки, не раз вспоминали ветераны Партизанского края.

— Удивительной отваги и энергии человек,— говорила его боевая помощница Екатерина Петрова.— Все силы, всю душу вкладывал он в организацию обоза.

Я попросил Александра Георгиевича вспомнить о последних днях пути в Ленинград. И вот что услышал:

— Радушно встретили нас панфиловцы, отогрели, разместили на отдых. Той же ночью в Ленинград ушла телеграмма. В ней говорилось, что обоз с продовольствием пересек фронт и находится на нашей территории. Вскоре армейская радистка Лидия Артеменко приняла ответ: «Ленинградцы благодарят и ждут посланцев Партизанского края!»

Но до города на Неве были еще сотни километров пути... Боровичи, Тихвин, Новая Ладога... Только 29 марта, через двадцать четыре дня после проводов в Нивках, обоз вступил на ладожский лед. Здесь, на «Дороге жизни», партизан ожидало еще одно испытание. Их атаковали вражеские самолеты. Казалось, фашистские летчики собрались взять реванш за неудачу в Березняках... Фугаски проломили лед в ста шагах от колонны, но второй заход фашистам не удался — в воздухе показались советские истребители.

Близился ленинградский берег.

— В поселке Всеволожском мы увидели большую группу встречающих,— вспоминал Поруценко,— и среди них узнали секретаря горкома партии Алексея Александровича Кузнецова, председателя Ленсовета Петра Сергеевича Попкова. Ко мне подошел и крепко пожал руку мужчина в комсоставской шинели, но без знаков различия. Перед войной мы виделись на совещании областных работников, и я сразу узнал в нем заместителя председателя Совнаркома Алексея Николаевича Косыгина. «Спасибо, герои,— сказал Алексей Николаевич,— от всех ленинградцев спасибо...»

В город мы въехали днем через дымные улицы опустевшей Охты... На мосту через Неву мы увидели плакат, а под ним большую толпу народа. Мне никогда не забыть, как нас встречали...

А на следующий день партизанскую делегацию пригласили в Смольный. Там я вручил товарищу Жданову наши тетради с письмом в Центральный Комитет партии. А затем мы подарили Военному совету фронта двенадцать новеньких автоматов, добытых в бою под Дедовичами...

...Родина высоко оценила подвиг народных мстителей. Героем Советского Союза вернулся в Партизанский край командир охраны обоза Михаил Харченко, орденом Ленина был награжден Александр Поруценко, а Федор Потапов, Николай Сергачев и Василий Егоров прикрепили к груди ордена боевого Красного Знамени. Новый сверкающий орден Красной Звезды засиял на платье Антонины Александровой, не дрогнувшей под стволом автомата...

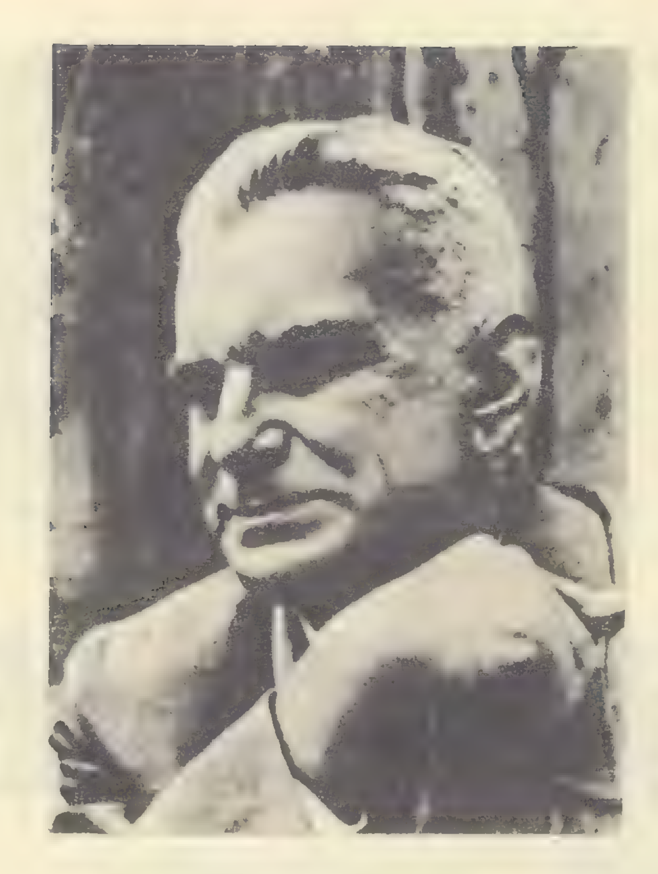
В те дни радио и газеты сообщали о прошедшем через фронт обозе. Но еще нельзя было назвать имена... Как наказ, обращенный в будущее, прозвучали слова газетной полосы «Правды»:

«Народ, как величайшее сокровище, сохранит простые школьные тетради, в которых записаны ваши святые чувства и ваши великие дела... Ваши имена, запечатленные в тетрадях, пока безвестны. Но придет момент — он уже близок, — когда вся страна узнает ваши имена... Навсегда останется в памяти волнующая картина этих 200 подвод, которые по глухим дорогам, с величайшей опасностью для жизни возчиков, безвестных колхозников, везут продовольствие для братьев в Ленинграде».

Этот завет — на века...

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ЛУГОВСКОГО

РЫЦАРЬ ПОЭЗИИ

Майя ЛУГОВСКАЯ,
Александр ГОЛЕМБА

«Я твой, живое время, весь я твой!» — так писал В. Луговской в книге «Середина века». Он верный и талантливый сын своей эпохи, и это определяет неувядаемость его поэзии.

Владимир Луговской принадлежал к числу художников, которым свойственно живое чувство былого. Он любил землю в старинности и древности ее, и любимой его музой из девяти была Клио — муза Истории.

Он знал историю и культуру, постигал их во взаимосвязи и неразделимом единстве.

Культура — это не только прочитанные и изученные книги, не только настороженная тишина библиотек. Культура — это золотая ветвь живого дерева, протянувшаяся от предков к потомкам, от пращуров к правнукам. Культура — это преемственность.

И поэзия — преемственность. Поэт внемлет шуму моря и шуму времени, а то, что услышится ему в этом шуме, будет передано дальше и дальше, потому что искусство слова — эстафета, бег наперегонки со временем.

Время идет, идут времена, а море шумит, как шумело оно в те давние, но незабытые дни, когда «человек плыл с Одиссеем».

Я очень бесприютный человек,
Я знаю все противоречья века,
Несущего в конце концсв победу,
Победу человеческих стремлений
К единственно достойной мудрой
жизни.
Я знаю песни древние, как память,
О пене, о свободе, о морях.

...Была в душе поэта заветная страна. С детства мечтал Луговской о Средней Азии.

«Увлекательным был мой мальчишеский жадный интерес ко всему, что касалось Средней Азии. Даже не могу объяснить, почему она с ранних лет влекла меня. Я подолгу застаивался перед картинами Верещагина и хорошо знал картину хребтов и дорог великих азиатских просторов».

Уже известным поэтом, написавшим знаменитую «Песню о ветре», Луговской осуществил свою детскую мечту. Весной 1930 года он поедет в Туркмению и, узнав эту страну в суровые, трудные годы ее преображения, влюбится в нее навсегда.

Тема Средней Азии прочно и навсегда войдет в его поэзию.

Удивительное постоянство чувств и вкусов, привязанностей и устремлений Владимир Луговской пронесет через всю свою жизнь. Первая и последняя его книги как бы смыкаются, образуя некое нерасторжимое поэтическое кольцо.

Многие темы и настроения поэзии Луговского нашли отражение в ясных ритмах его прекрасного стихотворения «Костры».

Унеси мое сердце
В тревожную эту
Страну,
Где на синем просторе
Тебя целовал я
Одну —
Словно тучка пролетная,
Словно степной
Ветерок,
Мира нового молодость —
Мака
Кровавый цветок.

И далее вдохновенные, преисполненные какого-то необычайного — вечного и вешнего, весеннего чувства, — летящие и взмывающие ввысь провидческие строки:

От степей зацветающих
Влажная тянет
Теплынь,
И горчит на губах
Поцелуев
Сухая полынь.
И навстречу кострам,
Поднимаясь
Над будущим днем,
Полыхает восход
Боевым
Темно-алым огнем.
Может быть,
Это старость,
Весна,
Запорожских степей забытье?
Нет!
Это — сны революции,
Это — бессмертье мое.

Поэт идет по земле «мудрым и задумчивым странником, а не сторонним наблюдателем, не равнодушным зрителем...» — так некогда сказал Владимир Луговской о своем друге Николае Тихонове. Но слова эти могут быть отнесены и к нему самому.

Поэт, громадный и седовласый, в темно-синей трикотажной рубашке, восседает за старым, еще отцовским письменным столом.

Передо мною письменный мой стол,
И он плывет во времени,
как в море.
Вот это мой корабль, видавший все.

Луговской непрерывно курит и ведет беседу. В ней нет мелочей. Все крупно. Его силовое поле было таким могучим, что все начинали поддаваться его магнетизму.

А кабинет жил какой-то своей особой жизнью, жизнью книг и вещей. Тикают часы. Шашки стоят вдоль книжных полок, клинки дамасской стали. Стопками лежат записные книжки. В них трудно разбираемые записи, которые имели значение только для него: порою это просто сухие цифры, данные о производительности станков или хлопкоуборочных комбайнов, сравнительные кпд электромоторов и дизелей. Чтобы превратить все это в поэзию, нужно было вскрыть ядра обыкновеннейших слов.

И он дробил эти ядра, порою добиваясь необычайного лирического эффекта.

Владимир Луговской вел поэтический семинар. Даже несколько семинаров. В Литинституте, в старом клубе МГУ, что на Моховой, в редакции «Комсомольской правды». Семинаров было несколько, так сказать, номинально, ибо одни и те же люди, «семинаристки» и «семинаристы», скопом, всей толпой, в полном составе кочевали по Москве вслед за своим мэтром: во вторник — на улицу «Правды», в среду — на Моховую... Некоторые из тогдашних «семинаристов» давно уже прославились, а некоторые нет, но образ поэта сохранился, думается, в благодарной душе каждого из них. Потому что Владимир Луговской учил их не только писать, но учил их быть поэтами, учил любить и понимать прекрасное.

О, этот подвал на Моховой, точнее, полуподвал! Моховая, угол улицы Герцена. О, этот цокольный этаж, где, гордо закинув львиную голову, поэт Владимир Луговской декламирует Овидия по-латыни. «Метаморфозы». Звучит классическая латынь то грозно, то печально, то торжественно.

А за стеной, за тонкой переборкой надрывается духовой оркестр. Идет репетиция студенческой самодеятельности. Трубы заметно фальшивят. Громкость явно превышает допустимую. «Семинаристы» начинают стучать в стенку, пытаются угомонить разбушевавшихся «музыкантов». Луговской невозмутимо продолжает чтение, несколько усилив раскаты своего неповторимого голоса. На стук является дирижер оркестра, он же заместитель завклубом, товарищ Колумбов.

— Что стучите? — возмущается он. — У меня в оркестре двадцать человек, из них семнадцать только вчера впервые увидели трубу!

А звуки все гремят из-за стенки, иерихонский оркестр отлично обходится без Колумбова и жарит вовсю.

Луговской делает широкий жест и с обаятельной учтивостью бархатисто рокочет:

— Товарищ Колумбов, у вас замечательная фамилия. Пожалуйста, не волнуйтесь. Я привык к клубной работе.

Конфликт улажен. «Семинаристы» пристыжены. Духовики продолжают играть, а из уст Луговского по-прежнему льется бессмертная латынь Публия Овидия Назона.

Луговской умел ценить время, с удивительной плотностью заполнял его, но переставал его замечать, когда кому-то, пусть совершенно случайному человеку, вздумалось вдруг излить перед ним душу или поведать какую-нибудь чрезвычайно длинную и ничем, казалось бы, не примечательную историю. Он забывал о времени, опаздывал на семинары, не приходил на собрания редколлегий и деловые свидания. И в ответ на упреки тщетно его прождавших отвечал:

— Вы ничего не понимаете!

Он никогда не жалел времени, чтобы помочь человеку.

Ночь. На часах в кабинете четверть третьего. Луговской набирает номер. Упорно ждет, пока на другом конце провода снимут трубку.

— Разбудил? А вы представьте, что уже утро. Прошу прощения. Но мне необходимо знать, что вы об этом думаете. Я написал стихотворение для «Огонька».

Отбой. Трубка легла на рычаг. Ночной телефон умолк...

Поздняя весна 1957 года остановила тяжелый маятник часов, висящих в кабинете поэта. А поэзия жива. Ибо поэзия не знает смерти.

Олимпийские игры в Мюнхене. Играют команды СССР и Пуэрто-Рико.

ИГРА ВЕЛИКАНОВ

Александр ГОМЕЛЬСКИЙ,
заслуженный тренер СССР

Советские спортсмены не раз удивляли мир своими яркими победами. На мой взгляд, самой сенсационной была победа Валерия Борзова на мюнхенской Олимпиаде, когда он завоевал первенство на двух «американских» дистанциях — 100 и 200 метров. Баскетбол — тоже американский вид спорта. Американцы придумали эту игру, немало сделали для ее популяризации, и сейчас у них более двадцати миллионов баскетболистов. В США говорят, что в стране нет здорового мужчины, который не играл бы в баскетбол. Там это престижный вид спорта, и поэтому победа над американскими баскетболистами должна причисляться к сенсационным. На мюнхенской Олимпиаде сборная команда СССР, победив в финале сборную США, завоевала золотые олимпийские медали.

А началось все в 1947 году, когда наша сборная под руководством замечательных тренеров Павла Цейтлина и Степана Спандарьяна выиграла первенство Европы в Праге (кстати, баскетболисты первыми проложили путь всем советским спортсменам в международный спорт) и Москва тепло встретила новых чемпионов Европы — И. Лысова, О. Коркия, А. Конева, Ю. Ушакова, Е. Алексеева, В. Куланаускаса, Х. Крууса, С. Бутаутаса, И. Куллама, Н. Джорджикия, А. Моисеева, Ю. Лагунавичуса, В. Колпакова, А. Тарасова.

После этого у баскетбольной сборной СССР было много побед на чемпионатах Европы. Париж, Москва, София, Белград, Вроцлав, Хельсинки, Неаполь, Стамбул, Эссен аплодировали нашим баскетболистам. Были и неудачи в Будапеште (1953 год), в Барселоне (1973 год) и Белграде (1975 год).

На олимпийскую дорогу советский баскетбол вышел в 1952 году в Хельсинки и сразу же занял место в когорте сильнейших, завоевав признание и серебряные медали. Тогда в финале наша команда встретилась с отличной, превосходящей ее по росту сборной США, но, несмотря на это, американцы в финале с нами не решались атаковать и откровенно держали мяч, не помышляя о штурме. По правилам тех лет можно было удерживать мяч хоть всю игру, и именно после финальной встречи в Хельсинки Международная федерация баскетбола ввела новое правило тридцати секунд — время, отведенное на атаку. Тогда, на Олимпиаде в Хельсинки, не было еще и других правил, которые отличают современный баскетбол, например, правила трех секунд — время нахождения игрока в штрафной площадке, десяти секунд — время владения мячом в своей зоне. Не было и правила пяти штрафных, тогда уже после четырех штрафных игрок должен был покинуть поле.

После Олимпиады 1952 года наша федерация сразу стала искать великанов. Регламент чемпионата страны предусматривал наличие в каждой команде высшей лиги не менее двух игроков ростом более двух метров. Был введен норматив обязательного среднего роста каждой команды — 195 сантиметров. И вот появились и у нас свои гиганты: В. Ахтаев (236 см), Я. Круминьш (217 см), А. Лежава (210 см), А. Петров (210 см), В. Андреев (215 см), С. Коваленко (215 см).

Но великаны изменили тактику команд совсем не всегда в лучшую сторону. Замедлился темп игры, упростился ход атак, и эти недостатки удалось устранить не сразу. Как не похож был этот новый стиль на тот, что принес успех нашей команде в Хельсинки! Тогда наша сборная играла красиво, изобретательно, быстро. Атаки сменялись позиционными действиями и разнообразными выходами к щиту. Прошло несколько лет, пока мы сумели убыстрить игру наших гигантов, и вот сегодняшний наш баскетбол стоит ближе к стилю не 1965-го, а 1952 года.

Ресурсы игроков, их мастерство, рост, как правило, определяют тактику команды. Перед Олимпиадой в Мюнхене наша сборная, опираясь на возросшее мастерство спортсменов из команд ЦСКА, «Спартак», московского и тбилисского «Динамо», «Строителя», «Калева» и «Жальгириса», показывала интересный творческий и, главное, самобытный баскетбол.

Сильные клубы — сильная сборная. Это не открытие, но именно эта истина еще раз предстала перед нами в 1972, олимпийском году. Конечно, наши клубы окрепли не сразу. Сыграл свою роль насыщенный календарь, международные встречи, где наши команды могли учиться у лучших команд континента. Я не считаю, что американцы привезли в Мюнхен свою лучшую команду, но победить любую американскую сборную может только очень хорошая команда. Именно такой была наша баскетбольная дружина в Мюнхене.

А что было после Мюнхена? Было два чемпионата Европы — в Барселоне и в Белграде, и оба выиграли югославы. Сейчас, накануне Олимпиады в Монреале, наша сборная дважды встречалась с чемпионами Европы и оба раза вновь проиграла.

Что это, неожиданность для нас? Конечно, нет. Еще в 1963 году в Бразилии югославские баскетболисты впервые добились победы над сборной СССР со счетом 69:67, а после этого, хоть нам и удавалось побеждать на чемпионатах Европы и мира, встречи с югославской командой всегда проходили очень напряженно. В 1974 году команда СССР завоевала первенство мира, но югославской команде проиграла. Эта же ситуация возникла еще раньше на Олимпиаде в Мехико. Наша команда в последние секунды упустила выигрыш в полуфинале — счет 62:63 говорит сам за себя.

Да, сборная Югославии уже давно вошла в число лидеров мирового баскетбола, и те, кто считал поражение в играх с этой командой случайностью, или не знали баскетбола, или не хотели признать, что у нас, кроме США, есть еще один опасный соперник.

Послужной список югославской сборной сегодня выглядит очень убедительно. Она обладает всеми высшими титулами, и единственно, что ей не удавалось выиграть, это олимпийское золото. Именно поэтому думаю, что в Монреале команда Югославии будет очень опасна и для нас и для американцев.

На всех Олимпиадах в составе американских команд выступают сильнейшие баскетболисты, потенциальные профессионалы. В большинстве случаев они сразу же после Олимпийских игр подписывают контракты с профессиональными клубами. Так было в Мельбурне с Б. Расселом и К. Джонсом, в Риме — с Робертсоном и Лукасом, в Токио — с Джексоном и Хагартом, в Мехико — с Х. Скоттом и Д. Уайтом. И только после Мюнхена никто из американской команды не преуспел в профессионалах.

На всех Олимпиадах американцы явно доминировали в баскетболе. Ну, а после Мюнхена? Может быть, американский баскетбол пришел в упадок? Нет, индустрия подготовки классных игроков в школах, колледжах, университетах по-прежнему прекрасно отлажена. Основу сборной США, видимо, составят студенты университетов. Тренер сборной Дин Смит уверен в своих питомцах, однако опыт международных встреч такого высокого ранга, как Олимпийские игры, у американских баскетболистов нынешнего созыва отсутствует начисто, и недооценивать этот фактор никак нельзя.

Наши же многоопытные, мудрые и сильные игроки прошли сквозь горнила самых ответственных состязаний. Напугать их уже ничем нельзя. Все дело в том, как они будут готовы физически, как будет скомпонована команда, предложит ли она что-нибудь новое, неожиданное.

Если говорить об игроках, то следует добавить лишь одно: в команде великолепно сочетается боевой опыт ветеранов и задор прекрасно подготовленной молодежи. И если Жармухамедов играет сейчас так, как никогда еще не играл, то и молодой гигант В. Ткаченко (его рост — 220 сантиметров) успел уже хорошо зарекомендовать себя. Если В. Милосердов по-прежнему непробиваем в защите, то и молодой В. Арзамасков успел уже показать свои возможности на последнем чемпионате СССР. По-прежнему А. Белов — лучший центр не только у нас в стране, но и в мире, а А. Сальников зарекомендовал себя на чемпионате страны как лучший снайпер, и эти качества он продемонстрировал на чемпионате мира.

Это вероятные кандидаты в Олимпийскую сборную, но, кроме них, есть у нас еще ряд одаренных игроков — А. Мышкин (207 см), Р. Абельянов (205 см). Хорошо показали себя молодые защитники Л. Гирскис, А. Макеев. Не исключено появление в сборной и нашего славного ветерана М. Паулаускаса...

Чем больше незаурядных личностей, тем сильнее, надежнее команда. Вот почему борьба за воспитание ярких индивидуальностей задача № 1, постоянная, главная. Ну, а как изменилась тактика наших команд? Еще 5—7 лет назад мы играли чаще всего на гигантов. Все они были уникальны, игра через центр приносила успех, но снайперов у нас было мало. Сейчас количество атак издали стало значительно больше, чем из-под щита. И в первую очередь потому, что мастерство, меткость наших снайперов значительно повысились. На мельбурнской Олимпиаде 39 процентов попаданий с игры считали высоким достижением. В этом году у чемпионов страны баскетболистов ЦСКА было 55 процентов попаданий с игры.

Так что же ждет наш баскетбол в Монреале? Тренер сборной команды СССР, наставник прошлогодних чемпионов страны, спартаковцев, Владимир Кондрашин взял бразды правления сборной перед Олимпиадой в Мюнхене и успел сплотить команду. Теперь он хорошо освоился в коллективе. Есть основания предполагать, что его вторая Олимпиада будет такой же успешной, как и первая. У Кондрашина был солидный запас времени, и свои планы подготовки команды, отбора кандидатов он осуществил полностью. Сборная провела огромное количество игр на разных уровнях, и мы верим, что она с честью отстоит свой титул олимпийского чемпиона.

МЕКСИКАНСКИЙ ДНЕВНИК

А. СОФРОНОВ

ТАК ЧЬЯ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ЭТО РУКА!

Накануне последнего дня работы конгресса хозяева все же решили дать нам возможность отдохнуть. Обед был назначен далеко за городом в ресторане, расположенном возле древних пирамид. Восемь лет назад, перед открытием Олимпийских игр, мы были возле них и смотрели какое-то массовое представление. Но тогда все происходило днем, а сейчас зрелище должно было состояться уже в темноте.

Пасхальные праздники словно смели людей из Мехико. Наши автобусы вольно катили по асфальту. Сразу после центра пошли старые, маленькие каменные дома, церкви, бакалейные лавочки... Потом показалась черно-коричневая земля с видневшимися вдали голубоватыми предгорьями. Автобусы круто завернули, и мы оказались возле ресторана, к которому вел квартальчик сувенирных лавок. В них висело все, от широких позолоченных сомбреро до черных шалей, вышитых серебром. За рестораном распахнулась широкая площадь, от которой на три стороны виднелись пирамиды и ведущие к ним выщербленные высокие ступени. Здесь было немало туристских групп. Слышался разноязычный говор. Продувал свежий ветерок. С нами была молодая пара — Лулу и Мигель Агирре, побывавшие осенью прошлого года на заседании Исполкома АИПС в Таллине. Им очень понравилась столица Эстонии, этот древний и вечно молодой город. Потом они провели несколько дней в Москве. И вот теперь Мигель, являющийся заместителем председателя Федерации спортивных журналистов Мексики, принимал нас в Мехико. Среди пирамид чувствовалась особая тяга к откровенности.

— Вы даже не можете себе представить, какую роль для нас с Лулу сыграло знакомство с Советским Союзом, поездка в Таллин... Москва... Все, что мы увидели... Как живут советские люди, их сердечность. Как важно все это увидеть и почувствовать! Ведь есть люди, которые распространяют неправду о вашей стране. Нам очень хочется еще раз побывать в Москве...

К вечеру, когда мы заняли места на трибунах, чтобы увидеть и услышать представление, сделанное по типу «Звук и свет», подул холодный ветер. Вдруг я почувствовал на плече тяжесть одеяла — это Мигель позаботился о своих московских друзьях.

...Последний день работы конгресса был насыщен выступлениями, информациями и беседами. С сообщением о студенческих играх в Софии выступил Иван Дончев. Морис Видаль сделал интересный доклад — «О воспитательном значении спорта».

— Спорт имеет большое значение при правильном интернациональном подходе к освещению его на страницах газет и журналов. Надо решительно отказываться от всего того, что может разъединять нас,— говорил Видаль. Он чувствовал себя неважно. Невольно думалось о том, что его выступление на Исполкоме не прошло ему даром.

Итальянцы ставили вопрос о необходимости повышения оплаты труда спортивных журналистов.

Стефан Маленга упрекал руководителей АИПС за недостаточное внимание к Африке. Кубинский делегат требовал ликвидации расовой дискриминации во время проведения соревнований по теннису на кубок Дэвиса.

Конгресс вопреки собственному же постановлению, принятому год назад в Дублине, решил не присуждать премии ни одному пресс-центру. Странно было видеть руководителей АИПС, которым было словно бы все равно, что происходило на конгрессе. А может, им было и не до того?

Во время обеда к нам подошел один из наших друзей и предупредил о том, что Тейлор и Эрбо не отказались от мысли перед самым закрытием конгресса все же протащить решение об аккредитации «работников» радиостанции «Свободная Европа» на Олимпийские игры в Монреале. Впрочем, нам и самим было интересно, как будут действовать те, кто уже дважды потерпел поражение на конгрессе. И что их заставляло быть такими настойчивыми?

Вечернее заседание шло легко и непринужденно. Итальянцы под аплодисменты сообщили, в каких удобных условиях должен состояться следующий конгресс на берегу Средиземного моря. Конгресс особый — на нем должно быть избрано новое руководство АИПС.

Пуэрториканец Флорес, веселый и общительный человек, рисовал райские условия проведения на его родине конгресса в 1978 году. Ему тоже аплодировали.

Тейлор дважды покидал заседание. Возвращаясь в президиум, он подошел к нашему столику:

— Вы хотели поговорить со мной?

— После закрытия конгресса.

Тейлор вернулся в президиум и предоставил слово Эрбо.

На этот раз в руках бельгийца оказался листок бумаги.

— Начинается,— сказал мне Лейкин. Он не ошибся. Старательно выговаривая каждое слово, Эрбо принялся зачитывать выступление, в котором витиевато и выспренне шла речь о дискриминации МОКом десяти неизвестно чьих, неизвестно кому, какой национальной организации принадлежащих журналистов. Слово «дискриминация» слышалось довольно часто. Речь шла и о «правах» неизвестно кому принадлежащей «электронной прессы». На этот раз «Свободная Европа» даже не называлась. Прочитав свое «послание», Эрбо не торопясь вернулся на место.

Тейлор мгновенно предоставил слово представителю Люксембурга, уже совсем по другому вопросу. Но люксембуржца никто не слушал.

В полной тишине вместе с Лейкиным мы вышли на трибуну. На переводчицу в кабине, откуда шел синхронный перевод, надежды были слабые. И с русского и на русский язык перевод был плохой, смысл при переводе исчезал.

— Нельзя ли назвать конкретно, какую «электронную прессу», какую национальную организацию имел в виду господин Эрбо, говоря о дискриминации ее МОКом? — спросили мы с трибуны.

В зале установилась каменная тишина. Бледный Эрбо, положив руки на стол, молчал. Я повторил вопрос, обращаясь уже к Тейлору.

Тейлор молчал, безвольно откинувшись на спинку стула.

— Каждая истина тогда становится истиной, когда она конкретна,— теперь мы уже обращались в зал.— Все дело в том, что названная «электронная пресса» — это всего-навсего радиостанция «Свободная Европа», расположенная на чужой для нее земле Федеративной Республики Германии. Она не может представлять и не представляет никакой национальной организации. Поэтому наш конгресс не может обращаться в МОК с просьбой об аккредитации тех, кто должен ее представлять. Поскольку конгресс не знает о том, что Исполком подавляющим большинством голосов отверг попытки господина Эрбо вставить этот вопрос в доклад президента на этом конгрессе, мы вам расскажем, как это было на заседании Исполкома...

Зал напряженно слушал наш рассказ.

— Единства по этому вопросу на конгрессе вы не получите.

Мы еще не дошли до своего столика, как руку поднял председатель Федерации Ирландии Дэвид Гайни:

— Кто-то явно заинтересован в том, чтобы разрушить конгресс. Мы затратили здесь колоссальное время для прослушивания пустых, никчемных речей. Это время потеряно впустую. Мы разочарованы руководством АИПС. Оно тянет организацию к расколу, пытаясь протащить в качестве нашего решения то, что противоречит нашим принципам. Руководство АИПС нуждается в решительных переменах.— И под гром аплодисментов Дэвид Гайни, бывший призер Олимпийских игр, ирландский журналист и писатель, сошел с трибуны. За весь конгресс это были первые, действительно громовые аплодисменты. Самое смешное было то, что и Тейлор, что-то бормоча, аплодировал ирландцу. После выступления перуанца Мартинеса и особенно делегата ГДР Клауса Хуна стало ясно, что тандем Тейлор — Эрбо на конгрессе не сработал.

А потом, как и положено в таких случаях, был еще прощальный прием, устроенный нашими хозяевами. Прямо скажем, хозяева были расстроены. Они сделали все, чтобы делегаты конгресса чувствовали себя хорошо в столице Мексики. И мы действительно так и чувствовали себя. Можно только было негодовать на тех, кто ради корыстных интересов (а какие могли быть еще?) не посчитался ни с чем и троекратно пытался протащить по чьей-то указке эту «аккредитацию». Аккредитация не получилась — дискредитация получилась.

Постепенно сходил накал последнего часа работы конгресса. Мы попали в стихию мексиканской песни. Ансамбль гитаристов в сомбреро сопровождал пение артистов. Выступала певица Белинда. Густой сочный голос, чуть с хрипотцой. Чуть откинутый корпус. Мягкие, плавные движения... Прекрасная школа народной мексиканской песни.

После Белинды появился Хорхе Масиас. В Мексике он считается

Окончание. См. «Огонек» №№ 25, 26.

одним из лучших певцов. Зазвучала мексиканская песня. За ней — бразильская. За ней — попурри. Одна, другая песня, вдруг — знакомый мотив, а за ним, на русском языке, незабвенная блантеровская «Катюша». Это уже был подарок для нас. Певец направился к нашему столику. В руках у него был микрофон. Все было ясно. Я поднялся... Так, в один микрофон мы и спели до конца «Катюшу» при разноязычной поддержке всего зала.

Чуть позже Хорхе Масиас снова подошел к нашему столику. Первую фразу Масиас проговорил по-русски:

— Я не говорю по-русски.

— Прекрасно, поговорим по-испански.— Лев Костанян помог нам объясниться.

— Я два раза был в Советском Союзе. О, я помню ваших людей! Помню все встречи. Я бы с удовольствием снова побывал в России... У вас так любят песню. Передайте, пожалуйста, привет вашим людям.

Мы обнялись с прекрасным мексиканским певцом.

Пока вручали премии за спортивные короткометражные фильмы (за один из них — о Москве олимпийской — получили и мы), к нам подсел ирландец Мартин, встречавший нас в прошлом году в Дублине. Он был в возбужденном состоянии. Выступление его старшего друга Дэвида, видимо, наэлектризовало и его.

— Как мы могли поступить иначе? Нам известно, что в США очень недовольны тем, что МОК, возглавляемый ирландцем лордом Килланином, отказал в аккредитации этой станции. Его называют «лордом-коммунистом», «красным лордом». Стоит человеку быть честным, в данном случае охранять чистоту олимпийского спортивного движения, как тебя немедленно зачислят куда угодно. Килланин говорил: «Сегодня «Свободная Европа», а завтра потребуют аккредитации для радиостанции «Майами», ведущей антикубинские передачи».

Гремела музыка, танцевали гости и хозяева, только господин Эрбо сидел в одиночестве с вымученной улыбкой на устах. Может, он среди всего этого праздничного шума видел указующий перст из США?

ВСТРЕЧА С АРТУРО АСУЭЛОЙ

Утром почти все делегаты конгресса улетели по приглашению губернатора в один из штатов на отдых. Нам на другой день надо было возвращаться домой в Москву, мы остались в Мехико. Но в кафе во время завтрака выяснилось, что остались не одни мы. Шведы, англичане, канадцы, наш генеральный секретарь Бобби Найда тоже оказались в отеле. Выяснилось, что наши ближайшие хозяева из Монреаля пожелали с нами поужинать. Что же, это было очень любезно с их стороны, тем более что до этого мы не так-то уж много и общались с хозяевами Олимпийских игр 1976 года. Кроме этого, у нас была на этот день еще запланирована встреча с писателем Артуро Асуэлой. Встреча должна была состояться в университете, где он работал.

С каким-то облегчением я ехал по Мехико. Оказавшийся нелегким, конгресс забрал немало сил. И хотя по календарю этот день значился понедельником, мне казалось, что сегодня было воскресенье. Даже улицы казались праздничными. Шевченко накануне вылетел в Москву. Лейкин остался отдыхать в отеле, а мы с Костаняном мчались к Университетскому городку, тому самому, в котором в 1968 году располагалась олимпийская деревня. Вскоре мы подкатили к проходной университета. На фронтоне одного из зданий была смонтирована динамичнейшая работа Сикейроса, как бы призывавшая молодежь быть в постоянном движении.

Корпус, в котором располагался историко-философский факультет, находился в глубине университетской территории.

— Артуро Асуэла происходит из литературной семьи. Его дед Мариано Асуэла — классик мексиканской литературы. Сам Артуро еще сравнительно молодой... Где-то в пределах сорока лет. Известным стал последними двумя книгами,— инструктировал меня Костанян, пока мы шли по узким бетонным плитам к многоэтажному зданию, фасад которого был облицован яркой мозаикой Диего Риверы. По пути попадались неторопливо бредущие юноши и девушки. Возле входа в здание вкусно пахло едой, которую торговки готовили здесь же на газовых плитках. Возле плиток толпились студенты. Некоторые из них сидели на скамейках с раскрытыми книгами и жевали бутерброды.

Нам повезло. Первый же студент, которого мы спросили, как найти Артуро Асуэлу, вызвался проводить нас прямо к нему в кабинет. В конце длинного коридора студент открыл перед нами дверь. От стола поднялся высокий, худощавый человек в синей трикотажной рубашке с расстегнутым воротом.

— Артуро Асуэла, — сказал он и протянул руку. — Присаживайтесь.

— Нам говорили, что ваши две книги имеют успех у читателей?

— Да, кажется, так... — Асуэла обернулся к деревянной полке и достал четыре книги. Затем аккуратно надписал их мне и Костаняну. — Это,— указал он на более объемный том,— «Размеры ада», а это — «Некто Хосе Сальмо».

— Они переведены на другие языки?

— В конце года собираюсь по приглашению в Прагу и Варшаву. Там книги готовятся к изданию.

— В Москве не бывали?

— К сожалению, еще нет... Но побывал бы с удовольствием... Не скрою, был бы рад, если бы перевели что-либо и в России.

— Может быть, начнем с нашего журнала? — Я протянул «Огонек», на обложке которого был напечатан портрет Юрия Гагарина.

— О, Гагарин?!

— Да, пятнадцать лет со дня первого космического полета.

Асуэла с интересом перелистал журнал:

— Как называется журнал?

Костанян объяснил, что такое «Огонек».

Асуэла перелистал толстую книгу.

— Можно главу о моем деде. Глава «Последний день Мариано Асуэлы». — Артуро аккуратно отчеркнул для Костаняна, что следовало бы переводить.—Этот роман, на мой взгляд, относится к историческим. Действие в нем захватывает целое столетие, от 1870 года до 1970-го. Четыре поколения одной семьи действуют в романе. Сначала семья жила в селе, но после нашей революции 1917 года переехала в Мехико. Семья типично среднего класса, три поколения в романе показаны особенно полно. Соединительной фигурой является некий человек авантюристического склада, который грабил на дорогах богатых и делился деньгами с бедными... Затем он уехал на Кубу... Потом в Испанию, Италию, Чехословакию... Это не только история семьи, но в какой-то степени история Мексики.

— А вторая книга?

Асуэла придвинул к себе тонкую книжку.

— В ней затрагивается проблема роста больших городов. О том, как поглощаются небольшие селения, примыкающие к большим городам. Мы с вами сейчас в бывшей олимпийской деревне. Когда-то здесь были бедные селения. Герой мой поначалу был дровосеком. Он из такого селения, которые у нас называются «нищими районами», или «потерянными городами». Это сложная проблема. Люди жили хотя и в бедноте, но по своим обычаям... Но вот их захватывает город, и вся жизнь начинает меняться.

— По-моему, это проблема для многих стран.

— Мне кажется, что это наша проблема.— Асуэла живо улыбнулся. — Проблема всей Латинской Америки, но, кажется, я пересказал вам уже обе свои книги... Их лучше читать.

— Сначала надо книги перевести.

— Конечно.

— Знаете ли вы русскую литературу?

Асуэла развел руками.

— А как же?! Как же можно не знать русскую литературу? Меня чрезвычайно интересует русская романистика, Горький... Я прочел «Мать», «Детство», «Мои университеты». Это фундаментальная литература. Толстой... «Война и мир», «Анна Каренина». Я чувствую на себе большое влияние Гоголя... Его «Мертвых душ». Из современных, конечно, Шолохов. «Тихий Дон» — это грандиозно. Для меня занятие литературой — своеобразная возможность политического послания народу... — Асуэла тронул тонкую книжку. — Тут многое из повседневной жизни. О спекуляции землей, о борьбе с этим явлением... О том, что нужно исключить возможность существования бедных поселений.

— У вас страна большая... Какими тиражами выходят книги?

— К сожалению, маленькими... Четыре-пять тысяч. В Мексике никто из писателей не живет на литературный заработок... Впрочем, если книга разошлась, издатель может повторить тираж. Даже не один раз... Основная работа у меня здесь, в университете. Пошел по стопам моего отца. Он преподавал государственное право... А я декан кафедры истории... Профессор... Преподаю период до промышленной революции...

— А когда стали заниматься литературой?

— Сначала была журналистика. Потом по ночам стучал на машинке историю своей семьи. Пятнадцать лет я прожил со своим дедом, поэтому в первом романе захвачены моменты из его жизни. Всерьез начал писать в тридцать три года.

— И сразу с успехом, — сказал Костанян. — «Размеры ада» были отмечены национальной премией.

— Премия меня застала врасплох. Я даже растерялся. Что же я такое, думал я... И стал еще больше читать и нашу и зарубежную классику... И, конечно, писать, писать...

— Чем характерна современная мексиканская литература?

Асуэла задумался.

— Да есть кое-что... Появилась проблемная литература с темами, которые раньше не считались литературой... Если говорить о себе, могу сказать о том, что такое писатель для меня... Писатель должен соответствовать высоте своего времени... Конечно, надо искать и новые формы, но не надо искать модные темы... Во всяком случае, поиски их я не считаю своим призванием.

— Вы давно работаете в университете? Не собираетесь ли обратиться и к этой теме?

— Конечно, эта тема волнует меня... Я как бы готовлюсь к ней... Но все дело в том, что мои книги во многом автобиографичны. Я как бы иду от детства, от района Тлатеполло, где я жил когда-то. Сейчас там есть улица имени моего деда Мариано Асуэлы... На этой улице до сих пор живут мои дяди. Это студенческий район... Именно там были серьезные студенческие волнения в 66-м и 68-м годах... С 58-го года я являюсь свидетелем всех конфликтов, возникающих среди молодежи. Я бы сказал, что это одна из самых критических проблем. Как известно, университеты отражают явления рождающихся кризисов в обществе... Все это должен видеть подлинный писатель и искать в жизни подлинные проблемы. Я лично для себя ставлю проблему подъема личности человека. Могу сказать в этой связи, что советская культура, с которой мне удается знакомиться через литературу, музыку, фильмы, будит во мне еще больший интерес к жизни советского народа. Да и как может быть иначе? Ваш народ продвинул вперед историю человечества... революционизировал наш двадцатый век. — Асуэла остановился, а затем уже как-то по-особому тепло сказал: — Передайте, пожалуйста, восхищение одного из мексиканцев советским народом. Спасибо за то, что вы оказали мне внимание и пришли в этот наш храм науки.

Когда мы вышли из здания факультета, у его входа уже не было газовых плиток, но все так же шли по зеленым лужайкам и узким бетонным дорожкам девушки и юноши, а над ними, как нежное зарево, возвышался фасад, оставленный в наследство молодому племени великим художником Мексики Диего Риверой.

ДОМОЙ...

На другой день утром мы покинули Мехико. В десять утра все тот же «летающий паром» вознес нас над городом. Где-то внизу поплыли коричнево-голубые горные вершины. Затем густо засинел Атлантиче-

С. Чуйков. Род. 1902. НОВОБРАЧНЫЕ ИЗ КАСТЫ НЕПРИКАСАЕМЫХ.

XII выставка произведений членов Академии художеств СССР

Э. Калныньш. Род. 1904. РЕГАТА.

XII выставка произведений членов Академии художеств СССР.

ский океан. По самолету, обворожительно улыбаясь, сновали, разнося прохладительные напитки и анкеты для въезда в США, стюардессы.

Впереди была короткая остановка в Нью-Йорке, в стране, готовившейся отметить 200-летие своего государственного существования. В стране, перед которой, как сказал президент Дж. Форд в речи на ежегодном съезде Американской торговой палаты, «словно грозная мель, маячит безработица. Она никогда не достигала 10 процентов, но уровень безработицы все еще остается серьезным, особенно среди более молодых рабочих, меньшинств и в некоторых ключевых отраслях промышленности и крупных центрах. Статистические данные улучшаются, но о разъедающем воздействии безработицы нельзя судить по одним только статистическим данным. Безработица пагубно действует на гордость людей, их надежды, на их отношение к свободному обществу и политической системе, 200-летие которой мы отмечаем в нынешнем году».

...В аэропорту нас ожидал Геннадий Серебряков. Мы отправились в отель «Бельмонт». За эти дни погода в Нью-Йорке изменилась. Накануне было очень жарко. В день прилета стало чуть прохладней. Улицы — многолюдней. На Бродвее толпы народа. Возле одного из кинотеатров стояла длинная очередь.

— Только что вышел фильм об уотергейтском деле. К фильму огромный интерес,— сказал Серебряков.

— Фильм документальный?

— Нет, художественный... Говорят, хорошо сделан.

— Жаль, не успеем посмотреть.

— Тема подслушивания сейчас всюду.— Серебряков, улыбаясь, протянул газету.— Вот реклама «детской игрушки»— подслушивающее устройство, которое дети подбрасывают в спальню своим родителям для забавы, а то и просто для того, чтобы подработать.

Реклама этого подслушивающего аппарата была опубликована рядом с огромным рисунком, на котором легко угадывался Роберт Кенneди. На его лице были нарисованы пули. И тут же текст:

«Реклама журнала «Уи».
Пули Бобби.
Является ли Сирхан самым быстрым стрелком на Западе? Он должен был бы быть таким, если учесть, что он выпустил 8 пуль в Бобби, перезарядил пистолет и сделал два выстрела еще прежде, чем тайная полиция его обезоружила.
Только 7 пуль из 10 были обнаружены, и даже они не соответствуют пистолету Сирхана. Они даже не соответствуют друг другу.

меня — первая встреча с Техасом. Встретили очень тепло, преподаватели и студенты с большим интересом слушали рассказ о жизни нашей страны. Конечно, техасцев интересовали конкретные факты. Некоторые заводы Техаса по договорам делают для нас оборудование... Я рассказал о том, что по сравнению с прошлогодним в 76-м году заказ увеличился в десять раз. Это цифры, но американцы — люди деловые: надо иметь в виду неполную занятость, — тогда ведь увеличится и занятость рабочих. И, конечно, как и всюду в США, речь шла о войне и о мире, о разрядке: кто как это понимает. Я им сказал, что у меня две дочери. И когда я думаю о мире, то думаю и о своих дочерях. А сколько таких отцов и матерей в Соединенных Штатах и в Советском Союзе?! Во всех странах мира?..

Зазвучало радио — объявлялась посадка в самолет.

Короткий взлет, и под крыльями нашего «ИЛа» поплыли разноцветные огни Нью-Йорка. Скоро за окнами стало совсем темно. Под нами был Атлантический океан. Стюардессы разносили советские и американские газеты. Еще днем мне сказали, что сегодня в газете «Нью-Йорк таймс» опубликована статья московского корреспондента Дэвида Шиплера все о той же девочке С.[1] Я развернул газету. На первых страницах сообщалось,

что в Кливленде началась забастовка 70 тысяч рабочих резиновой (шинной) промышленности, которая затронет четыре крупнейших американских компании и приведет к закрытию 47 заводов, выпускающих две трети всех шин в США;

что смерть миллиардера Говарда Хьюза, владения которого оцениваются в полтора миллиарда долларов, окружена многими неясностями. Авторы статьи сообщали о противоречиях в описании последних дней семидесятилетнего миллиардера и отмечали, что в течение последних трех дней он находился в шоковом состоянии;

что израильские солдаты ранили двух студентов-арабов на западном берегу Иордана во время стычек с местным населением;

что губернатора Западной Вирджинии судят за попытку получить взятку в 25 тысяч долларов с компании «Дайверсифайд мантанир корпорейшн». Штат остался без губернатора.

На 3-й полосе заметка, в которой среди мелких антисоветских инсинуаций сообщалось:

«Вскоре после выстрелов, произведенных по зданию советской миссии при ООН в Нью-Йорке 2 апреля, неизвестный позвонил в несколько редакций и прочитал заявление.

«Пока С. находится в русской тюрьме,— говорится в заявлении,— мы

Нью-Йорк.
Очередная вылазка сионистов.

Аллард Ловенштейн считает, что факты были подтасованы и частично скрыты. Он хочет знать, кто же убил Роберта Кеннеди?»

К этому можно прибавить, что не один Аллард Ловенштейн хочет знать, кто убил Роберта Кеннеди.

Всегда с нетерпением ожидаешь возвращения домой, уже без особого интереса воспринимая всякие посторонние события. Как видения, промелькнули пустые нью-йоркские ночные улицы, когда мы возвращались от друзей в отель. И даже солнечный, теплый день отлета не прибавил нового, если не считать, что возле нашего отеля были убиты два негра. Но это, как здесь считают, дело обычное...

И вот снова вечерний аэропорт. Мы приехали немного раньше.

— Что нового? — спрашиваю я у аэрофлотовцев.

— Если не считать, что вчера возле конторы Аэрофлота снова была демонстрация сионистов, ничего особенного...

— Что они так привязались к Аэрофлоту?

Друзья пожимают плечами:

— Мы бы и сами рады узнать, да не можем.

Не торопясь, пьем кофе. Самолет на месте, улетает по расписанию,— значит, все в порядке.

Геннадий Серебряков рассказывает о своем недавнем полете в Техас.

— Мы получили приглашение для выступления в университете. Для

не остановимся ни перед чем, чтобы освободить ее. Мы намерены сделать с русскими детьми в Нью-Йорке то же самое, что делают с еврейскими детьми, такими, как С.».

«Вчера С.— писал Дэвид К. Шиплер,— спокойно занималась своими домашними делами в московской квартире на Смоленском бульваре, где она живет со своей матерью.

«Нет,— сказала девушка,— я не собираюсь никуда эмигрировать. Мне хорошо. Я хочу только остаться со своей семьей, в своей школе, со своими друзьями».

Отец девушки, физик, принял решение эмигрировать. Мать, психиатр, уезжать не хотела. На этом основании, по словам последней, брак был расторгнут, и тогда вокруг тринадцатилетней девочки разгорелась судебная тяжба.

Осенью 1972 года советские власти уведомили отца, что ему и его дочери будут выданы выездные визы. Но прежде чем документы были готовы, суд высказался в пользу матери, утвердив за ней родительские права. Виза девочки была аннулирована.

В феврале 1973 года, по заявлению некоего Г., «полицейские ворвались в квартиру, схватили девочку и отправили в пионерский лагерь на Кавказе, принадлежащий детской коммунистической организации».

Мать С. отрицает какое-либо полицейское вмешательство. «Дочь,— говорит она,— поехала в пионерский лагерь, как многие дети в нашей стране».

...Стройная темноглазая девочка не вызывает ни малейших сомнений, когда говорит о своем желании остаться в Советском Союзе. Ее звонкие ответы вполне искренни. По словам матери, она прилежная ученица и член комсомола, молодежной коммунистической организации для юношей и девушек.

После того, как американский корреспондент попросил об интервью,

[1] См. «Огонек» № 25.

мать согласилась только при том условии, что девочку, которая три года назад пережила тяжелую травму, не будут расспрашивать о том времени или об отце. «Ей будет очень трудно говорить с вами об этом»,— заявила мать девушки.

«Она была тогда ребенком,— сказала мать,— и не могла принимать решений по такому важному вопросу, как эмиграция. Сейчас она выросла и убеждена, что останется вместе с матерью на Родине».

Как-то обрадовало меня это сообщение. Незнакомая мне девушка выбрала путь... Случалось, проезжая Брест, мы с грустью смотрели на обманутых сионистской пропагандой бывших советских граждан, отбывающих на «землю обетованную». Ну, пусть взрослые, хотя и не ведают, что творят, решили, — это их дело. Но дети... Дети... Среди чемоданов и пестрых узлов они бродили по брестскому вокзалу, еще не понимая, в какую чужую для них жизнь по воле ошалевших от сионистской фальши втянули их неразумные папы и мамы. Сколько из этих пап и мам кусают себе локти и пишут слезные прошения о разрешении вернуться в Советский Союз?

...Ровно летел самолет над бездонной темной Атлантикой. Я отложил в сторону газету и словно бы вернулся в Мехико, к неожиданно возникшим баталиям на конгрессе спортивных журналистов. Как и всегда в пути, мысли перебегали от одной темы к другой. Снова возник перед глазами облик Фрэнка Тейлора, его смущенно-виноватое лицо...

Думал я о Тейлоре и в те минуты, когда самолет прохладным полднем приземлился в Лондонском аэропорту. Почему-то думалось, что, может, еще и не поздно Тейлору «спасти свою душу». Или поздно?

* * *

И все же оказалось не поздно. Уже когда я закончил «Мексиканский дневник» и готовил его для публикации в журнале, в Москву на имя Николая Киселева и Альберта Лейкина пришла телеграмма от Фрэнка Тейлора. В ней он сообщал о том, что прилетает в Киев на матч СССР — Великобритания по легкой атлетике, и просил Киселева и Лейкина приехать в Киев для того, чтобы встретиться с ним. К этому времени в газете «Советский спорт» была опубликована статья «Свободная Европа» находит покровителей», в которой высказывалась критика позиции Тейлора, защищавшего в Мехико радиостанцию «Свободная Европа». Встреча советских журналистов с Фрэнком Тейлором состоялась. Тейлор ознакомился со статьей «Советского спорта», после чего ответил на вопросы нашего журналиста. Привожу некоторые из вопросов и ответов.

«— Что вы можете сказать о критических замечаниях в ваш адрес, содержавшихся в статье «Советского спорта»?

— Мне трудно что-либо возразить, так как мнение автора статьи во многом совпадает с высказываниями ряда других делегатов конгресса АИПС. Видимо, действительно сложилось впечатление, что я в какой-то мере защищал представителей радиостанции «Свободная Европа», стремившихся получить аккредитацию на зимних Олимпийских играх в Инсбруке. Если это так, то я об этом сожалею. Никогда я не поддерживал идею аккредитации журналистов этой радиостанции.

— Как же тогда расценивать ваше письмо «МОК и радиостанция «Свободная Европа», с которым вы обратились не только к членам Исполкома АИПС, но и к европейским национальным ассоциациям спортивной прессы?

— В том письме я хотел изложить только факты и основывался на докладе вице-президента АИПС А. Эрбо и письме Союза спортивной прессы ФРГ. Особенно настаивал на том, чтобы я разослал свое письмо, Эрбо. Сейчас, когда Исполком АИПС высказался против включения моего письма в доклад конгрессу АИПС, у меня возникли сомнения в правильности моего шага.

— Знаете ли вы, что представляет собой радиостанция «Свободная Европа»?

— Знаю только, что ее финансирует ЦРУ США, но какие спортивные передачи она ведет, не имею представления. Никогда не слушал ее передач. Мне говорили, что на английском языке она вообще не вещает.

— Не правда ли, удивительно, что радиостанция, которая не ведет передач на государственном языке США, претендует на подтверждение ее аккредитаций Национальным олимпийским комитетом этой страны?

— Согласен с вами.

— Вы, видимо, понимаете, что за передачи ведет эта радиостанция?

— То, что эта радиостанция чисто пропагандистская, известно всем».

К этому интервью было присоединено заявление Тейлора, заканчивавшееся словами о том, «что бюро АИПС никогда и ни на какой стадии не было связано с аккредитацией представителей радиостанции «Свободная Европа» и других радиостанций».

Что же, последнее утверждение соответствует действительности. Подавляющее большинство членов Исполкома на заседании в Мехико отвергли домогания Эрбо и ныне сожалеющего об этом Тейлора. Прямо скажем, Тейлор изрядно потерял в глазах многих членов АИПС. Людям свойственно ошибаться. Но если появляется понимание своих ошибок, всегда есть возможность их исправить.

Об этом невольно думалось, когда я читал «Советский спорт» с ответами Тейлора на вопросы нашего журналиста. И еще думалось о том, что не только желание побывать на легкоатлетическом матче СССР — Великобритания привело президента АИПС Фрэнка Тейлора в Киев, а и нечто большее, зовущееся в человечестве совестью.

Нью-Йорк — Мехико — Москва
апрель — май 1976 г.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МАРИАНО АСУЭЛЫ

Фото Л. Костанина

Артуро АСУЭЛА

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Если смотреть на север с высоты овального памятника Революции, видны огни редких автомобилей, переползающих мост Ноноалько, две башни в полутени музея Чопо, струйки дыма трех паровозов, приближающихся к станции Буэнависта. Воздух холодный и влажный, звезды медленно меркнут. Эвкалипты, сосны и пальмы парка Санта-Мария еще тонут в сумерках, и только-только вырисовываются контуры беседки в арабском стиле и фасады бень Чопо. Там, дальше, смутно различаются трубы фабрик, которые тянутся от Санто-Томасо через Рио Консуладо к памятнику Раса. Слышны паровозные гудки, и все ближе огни автомобилей, освещающие перила моста и газон посредине шоссе — от моста к улицам Роз.

Перекличка паровозов проникает в комнату моего деда в доме, что на улице Оливо. Слышен стук колес о рельсы и сухие удары сталкивающихся в тупике вагонов. На рынке Бугамбилия появляются первые люди с мозолистыми руками и широкоскулыми лицами. Они разгружают овощи и свежую рыбу. Перед улицей Эвкалиптов какой-то алкоголик распластался на мостовой, словно устрица, и кажется мертвецом, а в глубине улицы точильщик зачищает и доводит до блеска попавшие в его руки предметы, затягиваясь сигаретой «Тигре». По улицам Оливо в эти часы еще никто не ходит, и клавиши пишущей машинки пока дремлют перед очередной беседой со своим хозяином. С минуты на минуту писатель появится в коридоре. К этому времени последние небесные искорки скроются за ветками хакаранды и бугамбильи.

Лента машинки получит первые удары, клавиши подпрыгнут и начнут переговариваться с писателем. Воображение переполняет его: персонажи начинают бродить по тупику Перальвильо или по плоским крышам низкорослых домов в районе Ла Мерсед, приспособленных под жилище или сушилку выстиранного белья; возникают диалоги — постепенно разгораясь, они переходят в оскорбления; а персонажи все ходят и ходят, окруженные нищетой, между свалками мусора и снующими

Отрывок из романа «Размеры ада».

крысами, которые собираются возле сточных отверстий и в щербинах тротуара.

Клавиши стучат, не переставая, улучшаются фразы, то удлиняясь, то укорачиваясь: вырисовываются облака и реки, выходящие из берегов, вспархивает перепел, то вдруг легкое стрекотание цикад нарушает мысли какой-то обнаженной женщины, а то появляются кондоры, преодолевающие голубые поляны неба и перелетающие через верхушки гор к краю света. Приходят в движение образы, метафоры, сравнения, мысль течет, и ее биение отражают вопросительные знаки и восклицания. Писатель входит в мир своих персонажей, ищет в себе схожесть с их чувствами, подбирает слова, которые заставляли бы переживать, кричали, западали бы в сердце читателя. Перечитывает последние абзацы, правит две-три фразы, которые нарушают образный ритм, и когда доходит до конца листа, в окна библиотеки проникают первые лучи. Бьют колокола церкви Святого Духа, и первый автобус линии Густаво-Мадеро проезжает по улицам Оливо.

Писатель встает, ходит из конца в конец по библиотеке, направляется в столовую, все еще думая о своем последнем персонаже, о том, что, возможно, уже пора услать его в страну забвения, принеся в жертву собственной неудовлетворенности, или, может, сделать жертвой страстей женщины, ищущей приключений. Он отчетливо представляет его лицо, фигуру и даже тембр голоса. Отвлекается, только когда слышит гудки паровоза, что прибывает из Сьюдад-Хуарес, пенье петухов в одном из домов Чопо или возню ласточек в гнездах. Гасит лампу и с удовольствием смотрит на листья фигового дерева и на цветы хакаранды, разросшейся в садике.

Клавиши ждут его, и фразы текут редкими каплями; образы расплываются. Наконец, он вновь приводит в порядок свои мысли и начинает описывать поведение собаки, которая прыгает на своего хозяина, лает и разгоняет тяжкие раздумья, охватившие его. Снова идет поиск прилагательных, причастий, точных глаголов. Писатель получает невыразимое наслаждение, видя, как мысли облекаются в плоть строчек, текут, словно горячая лава, или вдруг вздымаются, как волны, бьющиеся об утес, способные подточить гранит и отшлифовать грани алмаза.

Но вот завершается еще одна встреча с одиночеством — таких много накопилось у него за шестьдесят с лишним лет. Нужда, неудовлетворенность, разочарования, скептицизм и всевозможные сплетения трудностей не в силах были отдалить писателя от первейшей задачи: погружаться своими пятью чувствами, своей правдой, не знающей примирения, своим собственным «я», всегда скрытым от него самого и им самим не познанным — в каждую главу, в каждый рассказ, в каждый роман... Проходят еще минуты, и ритм слов снова воссоздает фигуры и символы, предполагаемое и неожиданное, то, что забылось им в молодости, а теперь, в последние дни его жизни, вновь всплывает в памяти, дробится, расширяется, блестит, словно только что отчеканенная монета, и вдруг проявляется то в виде нежного женского бедра, то в сладострастном взгляде опустившихся бродяг, шляющихся по рынку Хамайка.

Часа два затем романист слушает только внутренние шумы и анализирует беспутную жизнь своего персонажа, который от него ускользает, не желая подчиняться воле писателя. А тем временем в саду уже бегают внуки, они здороваются с бабушкой, тащат булки из столовой и через приоткрытую дверь наблюдают за стариком — патриархом дома на одной из улиц Оливо.

«Дед не мираж, он всегда требователен, каждый день борется с нашими ошибками, будоражит наше сознание... Я вижу его близким и далеким, прищурившимся, его взгляд обращен в прошлое. Его слова похожи на решения — всегда точные и окончательные... Мое первое воспоминание о нем — как он сидит на скамейке парка Санта-Мария, смотрит на свои часы, затем переводит взгляд на колонны беседки, и дальше, от дома к дому... Вижу его прохаживающимся по закоулкам Провиденсии с моим дядей Мануэлем, они наслаждаются видом лавчонок, деревьев и жилищ Санта-Мария де ла Редонда... Вижу спорящим с моим отцом: говорит он остро, иногда испепеляюще, но чаще его слова исполнены скептицизма, переходящего в мрачный и колючий юмор. Он всегда немногословен, но каждая фраза словно корень, пахнущий землей и имеющий вкус дубового листа... Вижу его вполне удовлетворенным, только когда он наслаждается семейными праздниками или когда наблюдает за тем, как резвятся его внуки — их целая армия, они играют на цементном полу двора, забираются в самые потаенные уголки дома, вплоть до подвала, ломают стебли цветущего алькатраса.

Вижу, как мой брат, который был его секретарем, приводит в порядок его книги, а он распоряжается, показывает, где должны стоять книжки по медицине, по истории, и, наконец, полку, на которую ставится все написанное им самим. Он вдруг открывает одну из книг, читает в тишине два-три абзаца, и взгляд его становится еще более глубоким, в нем сверкают молнии, и кто знает, какие воспоминания возникают в его воображении...»

Он начинает сомневаться в логике развития своих персонажей, в их поведении на последних страницах, идущем вразрез с сюжетом. Клавиши несколько минут отдыхают; старик поднимает руки, приглаживает сильно поредевшие волосы, рвет исписанную страницу и возвращается к тому действующему лицу, что ускользало от него между охваченными пламенем развалинами и тропками, теряющимися в зарослях. Возобновляется стук машинки, трепет которой передается каждому его слову. И так длится до тех пор, пока в голове не накопится столько смятений, что просто необходимо остановиться, дать им отстояться, созреть. Он опускает руки, отодвигает кресло, переводит взгляд на пальму, на ветки вьюна. Готов завтрак. Надо прочитать свежие газеты.

На рынке Бугамбилия растет оживление; смуглые люди снуют от лотков с овощами к лекарственным травам, а у входа несколько босоногих женщин раскладывают кучками мандарины и маслянистые плоды агуакаты. Сапожник из Роз открывает мастерскую — темную комнату, где спит с женой и десятью детьми. Точильщик бредет по улице Эвкалиптов и, дойдя до улицы Маргариты, издает свист, один из тех резких звуков, которые производили, наверное, старинные галеры, бороздившие Средиземное море.

Дед выходит за ворота и начинает свой ежедневный обход района Санта-Мария де ла Ривера: от улицы Эвкалиптов к улице Кипарисов, от улицы Роз до Акаций. Поговорит немного с каждой из своих дочерей, спросит о внуках. Удостоверяется в благополучии своего клана. Время от времени в его мысли вмешивается персонаж романа — это не оставляет его в покое. Это тупик, из которого нет выхода. Затем он идет по улицам Кипарисов, задерживается у порога старого кинотеатра «Мажестик» и внимательно читает названия фильмов. Возможно, в ближайший четверг выберется с женой в кино, туда, где пахнет грудными детьми, снуют крысы и с галерки летят добродушные крики и свист. Потом обходит по кругу площадь, почему-то хмурится у беседки в арабском стиле, вынимает маленькую записную книжку, заносит несколько фраз. Наблюдает за двумя железнодорожниками, проходящими по улицам Сосен. Садится на скамью, снова что-то пишет и даже не замечает продавца мороженого и мальчишку, который предлагает почистить ему ботинки. Отрываясь от записей, искоса бросает взгляд на эвкалипты и пирули, на Музей геологии. Мысленно рассуждает о коррупции нынешних политиков — этой общественной язве, которую не скоро вылечишь. Опять достает свои часы на цепочке. Поднимается. По дороге встречается с внуками, которые уже идут из школы. Останавливается с каждым, просит не шалить и продолжает свой путь.

«Мы сидим вокруг обеденного стола. Дед кропотливо проверяет, каждый ли заучил свою роль. Нас около пятнадцати: одни играют монахов, а другие монашек, и есть даже черт, который вешает бубенцы на кота. Один за другим мы повторяем свои роли, пока не отточим все до мелочей. Дед настаивает, чтобы мы правильно подбирали интонации, требует естественности движений. Все мы старательно следуем его указаниям. Наш руководитель объясняет, что настоящие актеры должны добиваться правдивости, а не ограничиваться сухим пересказом текста, что нам необходимо научиться вживаться в роль... Проходят дни. В две недели произведение готово для показа на сцене. В глубине дома вешается занавес, сооружается помост, ставятся стулья для зрите-

лей. На последней репетиции мы чувствуем себя профессиональными актерами. И вот он — день спектакля! Мы очень волнуемся, но наш руководитель, скрывающийся под сенью ветвей хакаранды, жестами дает нам понять, что все получится как никогда хорошо. Поднимается занавес, раздаются аплодисменты всей родни. Артисты действительно играют четко и уверенно, будто мастера «Комеди франсез». Подпрыгивают монахи, снуют монашки, выходит заика, не в силах правильно произнести ни одного слова, сверху спускается черт, и все завершается смехом и аплодисментами. Спектакль пользуется таким успехом, что повторяется три раза подряд... Мы выходим на овации, и тот, кто играет черта, даже плачет, объясняя: «Я не притворяюсь, я за нашего учителя радуюсь».

В час обеда между рисом и основным блюдом дед и бабка обсуждают последние события в Лагунильяс дель Ринкон, говорят об урожае в Провиденсии, о чем так беспокоился Мануэль, и о семье, которая все увеличивается и для которой пора уже организовать обжорку с блинчиками. Солнце проникает через цветные стекла, бросая калейдоскопные отсветы. Поев мятой фасоли, дед надевает соломенную шляпу, заворачивается в свое сарапе, все уже старое, с дырками в нескольких местах, возвращается в библиотеку, расставляет на полке недавно переплетенные книги, раскладывает на секретере обложечную бумагу, суровые нити и десять иголок. Он получает удовольствие от процесса переплетания. А в это время в доме появляются внуки: смуглые — маленького роста, молчаливые худышки, блондины же — крикуны, их слышно в другом конце дома. Детвора заполняет весь дом от гаража до прихожей, от внутренних комнат до парадной лестницы, бегает по двору. Начинается ужасная суматоха, играют в козла, в салочки, в стеклянные шарики, а в потаенном углу — в бутылку. Слышатся удары мяча об оконные рамы, что над гаражом. Дед пожимает плечами и только приговаривает: «Эти мальчишки не получат прощения у бога». А в комнате для шитья, где тоже балуются внуки, тетки без устали тараторят, беседуя со старушкой, шьют или вышивают, разбирают по косточкам чужие жизни, курят сигарету за сигаретой, пытаются призвать к порядку самых неугомонных из детей, особенно тех, у кого на языке вертятся бранные слова, дают уроки хорошего поведения и тут же возвращаются к язвительным анекдотам и смачным рассказам.

К деду приходят две пациентки, ждут его в зале. Это старушки из соседнего квартала Роз. Переплетчик превращается во врача: осматривает, дает рецепты, спрашивает, советует. И все абсолютно спокойно, как много лет назад в консультации Общественной благотворительности в центре района Перальвильо, где смешивался запах йода и потных ног, запах мужчин, работавших с раннего утра до темноты, с запахом женщин, вышедших, возможно, из какого-нибудь притона. Врач просит старушек, чтобы они в точности следовали его рекомендациям, внимательно вглядывается в их лица и в их дрожащие руки. Как только они уходят, его мысли возвращаются к последней странице, на которой он остановился утром.

В это время его ждет переплет книги о пережитых горьких часах, но в библиотеке он встречается с дочерью Исабель. Начинают обсуждать воскресный концерт, «Фантастический корабль» в интерпретации университетского симфонического оркестра; они критикуют духовые, которые не слушались дирижера; переходят на обсуждение поездки в Морелию и провинцию Гуанахуато, которую дед и бабушка задумали совершить через две недели. Хотя и смеркается, детское веселье не знает удержу, судя по всему, оно никогда не закончится. Несмотря на серьезный тон, дед не раздражается, а, напротив, в глубине души, как никто другой, наслаждается своим племенем. Включает радио, слушает новости. Дочки прощаются со стариком, шумно собирают детей. Из прихожей уже видны последние лучи, уходящие в крону пальмы и в листья вьюна в глубине сада.

Наконец-то писатель возвращается в свой мир, мир сомнений, раздумий над тем, что делать с персонажем, который должен обрести больше сил и хватки на следующих страницах. Он видит его среди горных утесов плато Сан-Педро, издали наблюдающим за коровами в загоне и за управляющим, прохаживающимся без цели. Впрочем, нет, он отвергает эту картину, не может представить своего героя в тихой низине, затерявшимся в какой-то вонючей хижине. Уж лучше подвергнуть его остракизму и отправить на острова Лас-Трес-Мариас или в сельву территории Кинтана-Роо. «До свидания, дедушка» его внуков входит в одно его ухо и выходит в другое, все знают, что в это время он вынет из жилета часы с цепочкой, скажет им неверно, который час, и, довольный собой, склонится над корешком книги, которая вот-вот будет заключена в пресс.

По мере того как внуки покидают дом на Оливо, дворик и задние комнаты погружаются в полную тишину. Потом появляются дети, здороваются с матерью и спешат к отцу по коридору, зная, что писатель их ждет. Можно сказать заранее, что он в это время слушает программу вопросов и ответов доктора И. К., смешных историй — Рисаметро или дона Сельсо Бокеронес и оркестр Уипангийо.

Первые фразы его детей всегда относятся к событиям дня, будь то война в Корее или анекдоты о кандидатах в президенты от партии большинства. Говорят то громко, то тихо, стороны соглашаются, спорят, возвращаются к прежним темам, а старик тем временем продолжает заниматься ниткой, которая вслед за иглой проникает в пожелтевшие страницы старинной книги. Дискуссии затягиваются, переходят на метафизические темы. Едва заканчивается программа дона Сельсо Бокеронеса, один из детей ловит волну Радио Универсидад, затем переходит на ХЭЛА. Звучит скрипка Менухина, концерт Брайка. Карандаш в чьей-то руке превращается в дирижерскую палочку. Отбивает ритм, волнуется, дрожит. Но тут же застывает, едва только разговор заходит о святой Троице или догмах девы Марии. Слова перехлестываются, мнения поляризуются, и, как водится, стороны не приходят к взаимному согласию. В этом случае даже писателю не принадлежит последнее слово. Здесь нет уступок, инакомыслие должно уважаться, и не должна открыто нарушаться свобода совести. От разговоров о боге переходят к последним заявлениям Пия XII, от «Манхэттан Трансфер» Джона Дос Пассоса — к религиозности Рабиндраната Тагора. А то ни с того ни с сего заводят речь о курах на ранчо и о лошадином навозе. Разговоры на все темы — и для тех, кто считает себя самым образованным, и для тех, кто более скромен. Отец загорается, главным образом когда вспоминает о псевдореволюционерах, об этой, по его словам, заразе, которая передается всем, даже самым честным, или ругает тех, кто крадет, с удовольствием обманывая государственных служащих. Слышатся первые ноты «Фантастической симфонии» Берлиоза; начался симфонический час ХЭЛА. Дискуссия же в разгаре, фехтуют фразами, сталкиваются слова, говорят о том, что университетская автономия в действительности только вымысел, что критик такой-то газеты скрытый нахал и что, да, алкоголики из лачуг Потерянного города там, за мостом Ноноалько, стали настоящим бедствием для жителей Оливо и Эвкалиптов. Перед последними аккордами «Весны священной» Стравинского тон дискуссии спадает, и старик встает: «Хорошо, уже почти десять, на сегодня достаточно, продолжим завтра...» Дети выходят, прощаются с матерью, и писатель в важном спокойствии направляется в свою спальню. Последний из прощающихся выключает радио и свет в библиотеке.

«На остановке у пересечения Диас Мирон и Сипрес поднимаюсь с дедом в трамвай, идущий к Сокало. Он молчит, нахмурен. Витает в облаках. Как всегда, вместо проездного недельного билета предъявляет часы и удостоверение врача. Водитель улыбается, не сердясь на его рассеянность. Дед, двигая губами, говорит сам с собой, даже спорит. По дороге показывает мне наиболее примечательные здания, сетует на плохой вкус создателя памятника Революции и каких-то надгробий на кладбище Сан-Фернандо. Когда проезжаем мимо церкви Санта-Веракрус против парка Аламеда, я спрашиваю его, почему он никогда не ходит в церковь. Он спокойно отвечает: «Конечно, хожу в церковь, но только любоваться архитектурой, картинами, алтарями или службой; даже в другом месте, где существуют другие религии, тоже пошел бы в церковь, поскольку считаю, что даже неверующий, как это ни странно, должен поверять и разрешать свои сомнения в стенах храма».

До сих пор он никак не определит судьбу незадачливого своего персонажа. Сон не приходит. Не ясно, столкнуть ли его с касиком, разбогатевшим предводителем из Зауатлана, или сбросить в пропасть, чтобы кости его рассыпались в глубине? Но нет, он уже видит его презрительные жесты, представляет его знатоком петушиных боев, отмечает похотливый взгляд. Возможно, тяжелый полуночный сон поможет найти выход. Почему бы не отделаться разом от всех проблем, включив его в банду налетчиков, с которой он добирается до границы штата Агуаскальентес, но получает пулю, падает с лошади, и тело его разбивается о скалу? Нет и нет, не стоит делать этого. Персонаж получил такое развитие, что ни по какому поводу не следует допускать, чтобы он умер так рано. Он упрямый, волевой в любых ситуациях, и его руки вскидываются, когда он спорит с богачами. Решено, он будет жить до конца романа. Он перестает быть лунатиком и не пугает других персонажей. Его фигура из глиняной превращается в каменную, он вызывает гнев станционного смотрителя и заставляет извиваться проститутку. В его зрачках мечутся ястребы и вороны, выискивая добычу... Решено, этот персонаж дойдет до последней страницы, до последнего многоточия...

Темнота окутала все уголки сада, и только на вершинах пальм и хакаранд видны отдельные блики от отраженного света уличных фонарей или автомобилей, спускающихся с моста Ноноалько. На платформу Буэнависта сходят пассажиры из Гвадалахары, и в Аламеда две-три пары, пользуясь безлюдьем, льнут к деревьям. В музее Чопо светятся только глаза чучел. По Ривера де Сан-Косма движение не прекращается, ходят еще трамваи, люди направляются в бильярдные залы, в бары и лавчонки, где можно поесть куриного бульона. На улицах же Оливо ни души, лишь изредка проезжает автомобиль, слышится перестукивание колес локомотивов, их свистки да какие-то отрывистые крики, возможно, доносящиеся с помоек рынка Бугамбилия. Тучка там, на крайнем севере, распадается на кусочки, рождает другие тучки, покрывающие Санта-Мария де ла Ривера и сопредельные районы.

На следующее утро дверная задвижка библиотеки не стронулась. Клавиши остались без хозяина, и персонаж последних страниц рассыпался.

«Человек превращается в дым, пепел, прозрачный воздух, порождает мифы, легенды, обожествление... Отец становится идолом, врач — идеалом, писатель обретает вечность... А этот сложный человек, враг пустого слова, суровый и резкий, рассеивается на неведомых дорогах антагонистических перспектив. Он делается универсальным, и каждый берет от него то, что больше подходит ему самому. Комбинации многочисленны, но каждый говорит о себе, что именно он самое чистое его отражение. Каким же все-таки был этот человек? Страдающим, скрытным, высокомерным? Или, может, вспыльчивым или замкнутым? В призмах наших чистилищ создается его облик, который, наверное, никогда не существовал... Однако с нами написанное им слово. И тот, кто хочет расшифровать некоторые черты его противоречивой натуры, должен отождествить писателя с его персонажами, должен будет согласиться с тем, что все мы цельны и множественны — прямая линия и большое число извилистых парабол... Память многих дней пятнадцати первых лет моей жизни сохранила во мне этого человека, похожего на гранит и на янтарь, чьи глаза извергали гнев и любовь, чьи руки переходили от пишущей машинки к плотничьим и переплетным инструментам. Его краткие выражения запали в мое сознание и остались будто кусок обсидиана, помогающий мне продираться по узким тропам и по-особенному видеть свет, приводя к выводу, что между нами и солнцем есть миллионы и миллионы частиц, которые минуют наше восприятие. Мы открываем новые горизонты, но не знаем точно, какая неожиданность нас еще поджидает и какая встреча предстоит...»

Перевел с испанского
Лев КОСТАНЯН.

Каменный гость.

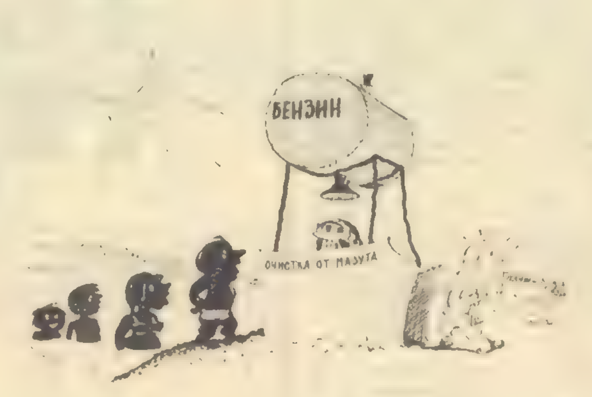
— Ну, заяц, погоди! Рисунок И. Сычева.

— Гляди — вредитель леса!

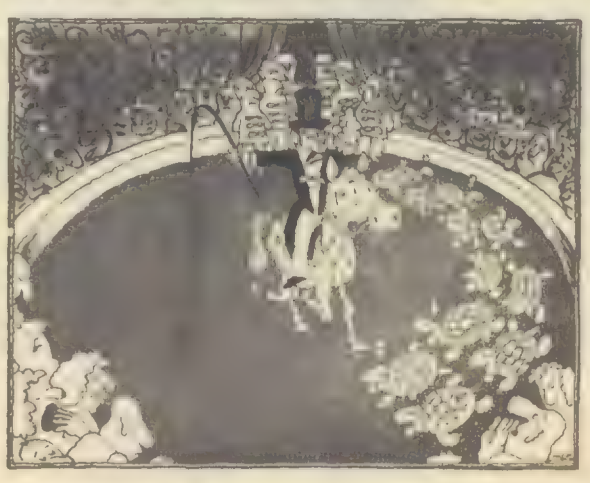
Рисунки В. Воеводина.

Без слов.

Без слов. Рисунок О. Теслера.

Очки

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Жена ко мне давно приставала:

— Почему ты не носишь темные очки? Ты в них выглядел бы гораздо интеллигентнее... Сейчас все культурные люди всюду в темных очках ходят: и на работу, и в магазин, и в театр.

— Чего же я увижу в театре в темных очках? — возражал я.

— А ты их сними, когда свет погаснет,— втолковывала жена.

— Не нужны мне очки,— упрямился я.— У меня от них переносица потеет.

— Подумаешь, переносица! Зато как бы они тебя облагораживали, придавали бы твоему лицу незаурядность, значительность. Посмотри на Сельдереева! Ведь дурак дураком был! А стал носить темные очки, совсем другое к нему отношение.

— Но я в них плохо вижу...

— Какое мещанство! — перебила жена.— Ты думаешь только о том, чтоб тебе было удобно! Если ты сейчас же не наденешь темные очки, я перестану с тобой разговаривать!

И, не слушая возражений, она нацепила мне на нос какие-то замысловатые очки с гигантскими стеклами.

— Ну вот,— сказала она, отступив назад и с интересом разглядывая мое лицо.— Совершенно другой человек! Одухотворенный интеллектуал! Можно даже подумать — умница! Носи их и не снимай. Сам увидишь, как переменится к тебе отношение...

Я пожал плечами и вышел на улицу. Там уже смеркалось, а в очках было вообще ничего не видно. С непривычки я чуть не угодил под грузовик и, чтобы избежать объяснений с шофером, вскочил в трамвай. Я решил навестить приятеля, отсталого человека, не имеющего темных очков. Пусть почувствует дыхание современности, пусть ощутит пропасть, которая нас теперь разделяет...

Я проехал две остановки, когда в трамвае возник какой-то шум. Пожилая женщина с авоськой громко жаловалась соседям:

— Деньги за проезд передала, а билет мне не оторвали!

— Наверно, кто-нибудь зажал монетку! — посочувствовал ей толстяк в шляпе.

— Граждане, кто присвоил деньги этой гражданки? — сказала на весь вагон строгая дама с портфелем.— Сейчас же верните три копейки!

Все стали подозрительно оглядывать друг друга.

— Да этот, в очках взял! Больше некому! — кивнула на меня сидевшая впереди старушка.—Ишь, глаза спрятал, совестно людям в лицо смотреть!

— С чего вы взяли? — опешил я.— Как вы можете! Я только недавно сел...

— Ну-ка, верни гражданке деньги! — потребовал толстяк.— А то милицию вызовем!

Я безропотно отдал три копейки и сошел на первой же остановке. Сумерки сгустились, и я сквозь очки никак не мог понять, где нахожусь. Передо мной сияло огнями какое-то высокое здание: не то театр, не то универмаг. Я вглядывался в него минут пять, пока наконец не узнал гостиницу «Чайка». Я повернул было домой, но в этот момент ко мне подошел бородатый тип и спросил:

— Иконы имеешь?

— Что? — отшатнулся я.— За кого вы меня принимаете?

— О, я тебя сразу узнал,— сказал он.— Сразу...

Я дернул плечом и решительно зашагал прочь. Но он не отставал. Чтобы отделаться от него, я открыл первую попавшуюся дверь и неожиданно оказался в помещении какой-то художественной выставки. Кто-то тронул меня за рукав. Я обернулся и увидел интеллигентного старичка в пенсне.

— Вот вы, молодой человек,— задумчиво произнес он,— защищаете абстрактное искусство. Яростно защищаете, до хрипоты...

— Кто?

— Да вы,— сказал он.— Но взгляните хотя бы на эту картину. Тут ничего не разберешь...

Я покрутил головой и вышел. Бородатого спекулянта на улице уже не было. Я с облегчением перевел дух, снял шляпу и, положив ее на скамейку, принялся утирать платком взмокший лоб. Проходившая мимо старушка остановилась и, перекрестившись, опустила мне в шляпу две копейки.

И тогда я не выдержал. Я снял очки и бросил их в урну.

Алексей Васильевич ИОНОВ

Советская литература понесла большую утрату. 24 июня на 66-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни умер писатель Алексей Васильевич Ионов.

Бывший шахтер и красноармеец, корреспондент «Правды» и «Литературной газеты», принципиальный коммунист, талантливый художник Алексей Васильевич Ионов всю свою жизнь посвятил людям, добывающим тепло и свет.

Алексей Васильевич Ионов родился 7 февраля 1911 года в селе Щербачево, Краснозоренского района, Орловской области, в семье крестьянина. Подростком он приехал в Донбасс, работал на новостройке гасильщиком извести, бетонщиком, землекопом, машинистом в шахте «Пролетарская диктатура» и одновременно учился на рабфаке. Потом окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Четверть века он отдал активной журналистской деятельности, которая обогатила его глубокими знаниями жизни, ярко проявившимися во всем его литературном творчестве.

В 1935 году в московском журнале «Красноармеец» были опубликованы первые новеллы молодого писателя, а через четыре года вышел его сборник «Песни и сказы шахтеров», одно из первых изданий русского рабочего фольклора.

На протяжении всей жизни он ревностно собирал и хранил устно-поэтическое творчество шахтеров. Собранные им по крупицам, систематизированные и изданные отдельной книгой «Песни и сказы Донбасса» изучаются в высших учебных заведениях нашей страны. Это наиболее полное собрание горняцкого фольклора с семидесятых годов прошлого столетия до наших дней.

Алексей Васильевич Ионов — знаток шахтерской души. Более тридцати его книг вышли в издательствах Донецка, Киева и Москвы: «Донецкие рассказы», «Душа шахтера», «Горная порода», «Жизнь без прикрас», «Тревоги о человеке», «Рассказы веселые и грустные» и другие.

Одна его публицистическая книга называется «Донбасс, земля героев». Это крылатое выражение прочно вошло в шахтерский быт. Будучи уже тяжелобольным, Ионов продолжал работать в этом боевом жанре и совсем недавно опубликовал обстоятельный социальный портрет Алексея Стаханова.

Наиболее полно, многогранно художнический талант Алексея Васильевича Ионова раскрылся в романе «Зарево над Донбассом», опубликованном в прошлом году в журнале «Огонек» и получившем высокую оценку читателей и критики.

Неутомимую творческую работу писатель-коммунист А. В. Ионов всегда сочетал с большой общественной деятельностью. Он избирался секретарем партбюро донецкой писательской организации, членом ее правления, являлся членом редколлегии журнала «Донбасс», много сил отдал воспитанию литературной смены. Его писательский и общественный труд отмечен правительственными наградами.

От нас ушел художник, человек высокой партийной принципиальности и нравственности, большого личного обаяния, по-сыновьи любивший Донбасс и честно отдавший ему весь свой талант. Таким он навсегда и останется в наших сердцах.

К. М. Симонов, А. А. Жаров, А. В. Софронов, А. В. Калинин, Н. Е. Гончаров, В. И. Демидов, Л. М. Жариков, С. П. Кошечкин, Ф. Ф. Кожухов, Н. А. Рыбалко, А. Н. Кравченко, Е. М. Волошко, М. М. Колосов, Н. С. Костыря, В. Е. Мухин, Г. Л. Щуров, А. К. Чепижный, А. П. Роготченко, Л. Л. Сапронов, Н. И. Родичев, И. Е. Билый, В. В. Шутов, В. П. Яковенко

ЗАКАЗНИК-ЛАБОРАТОРИЯ

На Алтае, в пятидесяти километрах от Барнаула, раскинулись угодья Обского государственного заказника. Природа здесь необыкновенно красива, недаром барнаульцы предпочитают отдыхать в этих местах. Но Обский заказник — это и лаборатория, где изучают и разводят редкие и исчезающие виды животных и птиц.

Двадцать лет проработал в заказнике его главный охотовед Геннадий Алексеевич Пономарев. Сколько энергии и любви вложил он в то, чтобы сделать заказник одним из самых богатых в крае! Здесь живут лоси, бобры, ондатры, глухари и всякая другая живность.

— Леса наши принадлежат всему народу,— говорит Геннадий Алексеевич,— и сохранять природу нам помогает множество людей. Нам радостно видеть, как по выходным дням на берегах живописной речки Курьи вырастает палаточный городок, где отдыхают рабочие барнаульских предприятий.

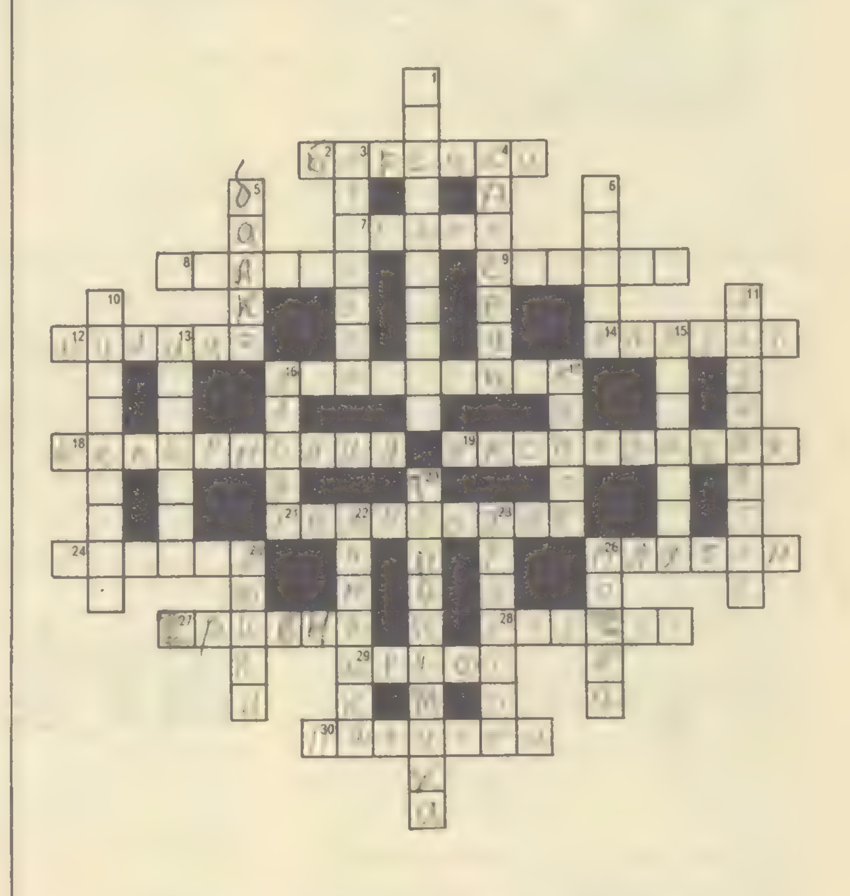
Геннадий Алексеевич Пономарев с лосенком Филькой.

Фото В. Гречухина. (На фотоконкурс).

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Роман Л. М. Леонова. 7. Мера массы. 8. Балет Ф. Яруллина. 9. Приток Енисея. 12. Одежда оленеводов. 14. Минеральная вода. 16. Лесная певчая птица. 18. Концертная организация. 19. Поездка группы людей с научным заданием. 21. Аппарат, в котором поддерживается постоянная температура. 24. Штат в США. 26. Древнегреческий философ, ученик Сократа. 27. Денежная единица Древней Руси. 28. Эластичный материал. 29. Типографские литеры. 30. Дощечка для смешивания красок.

По вертикали: 1. Советский композитор. 3. Отдел математики. 4. Государство в Центральной Африке. 5. Несущая конструкция. 6. Французский живописец. 10. Созвездие северного полушария неба. 11. Спортивная игра. 13. Река на Кольском полуострове. 15. Рассказ М. А. Шолохова. 16. Скульптор, создавший конные группы на Аничковом мосту в Ленинграде. 17. Часть автомобиля. 20. Отрасль языкознания, изучающая географические названия. 22. Цветок. 23. Сельскохозяйственная машина. 25. Столица Греции. 26. Зачаток побега.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 5. Буревестник. 8. Оптика. 9. Итуруп. 11. Садок. 14. Штрек. 16. Колонка. 19. Сайра. 20. Городки. 21. Линейка. 23. Аршин. 25. Такелаж. 26. Артек. 30. Ольха. 32. Пируэт. 33. Радиус. 34. Серафимович.

По вертикали: 1. Окулист. 2. Примула. 3. Пегас. 4. «Стоик». 6. Апуре. 7. Муфта. 10. Пятигорск. 12. Диод. 13. Картахена. 15. «Клоун». 17. Олифа. 18. Колба. 19. Среда. 22. Медь. 24. Индия. 27. Ребус. 28. Ступень. 29. Надфиль. 30. Отвал. 31. «Арион».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 14/VI — 1976 г. А 00669. Подп. к печ. 29/VI — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1490. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2401.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ВРЕМЯ ГОДА — СЕССИЯ

И. ГАВРИЛОВ
Фото автора

Время заторопилось и побежало так быстро, что даже семнадцатичасового дня никому не хватает...

В библиотеках не стало свободных мест, а в кинотеатрах они вдруг появились, в метро читают не романы, а конспекты.

Молодым немножко не до романтики, и поэтому в скверах больше думают, чем обнимаются, а на асфальте пишут куда более замысловатые формулы, чем формула любви. Мечтают теперь о стипендии и сданных зачетах, видят во сне классиков и элементарные частицы.

Милые лица... вас видеть нет времени.

По коридорам институтов бродят волнение и надежда, а за дверьми, на которых висят таблички «Тише, идут экзамены», трудится напряженная память.

Радость и огорчение ждут своей очереди...

Все это происходит каждый год в июне и называется сессией.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

